

ЛитРес:

ИГРА В ДЖАРТ

ГЛОРΙΑ
МУ

Глория Му

Игра в Джарт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64035966

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга о любви к невозможному и о подвигах под знаменем этой любви. Как всякий хороший текст, она открывается читателю с разных сторон в зависимости от того, какова его внутренняя потребность. Хотите – читайте бестиарий, энциклопедию загадочных существ, написанную на основе европейских и азиатских мифов. Хотите – героическое фэнтези с драками и приключениями. А если нужно, то книга о невозможной любви, которая иногда воплощается, а иногда нет. И это в любом случае хорошая проза, безо всяких скидок на жанр. Книга состоит из трёх историй: «Аятори», «Последнее солнце», «Дорога до мечты».

Содержание

Аятори	5
Последнее солнце	77
Конец ознакомительного фрагмента.	110

**Глория Му
Игра в Джарт**

ЛитРес:

ФЭНТЕЗИ

© Глория Му, текст, 2021

© ООО «Яуза-каталог», 2022

© ООО «ЛитРес», 2022

Аятори

*... женщины были злы и красивы, а мужчины -
несчастливы и полны глупых надежд. И
крутилась,
крутилась жизнь, запутывалась все сильнее -
как дикая, странная игра под названием
Кольбель для кошки...*

*Курт Воннегут,
Кольбель для кошки*

Все на нее пялились. Как обычно. И, как обычно, пялились в основном на грудь – маленькую, чумазую... да в любом случае вряд ли заслуживающую столь пристального интереса.

Особенно мерзкий взгляд был у рябого верзилы в прокляпанном кожаном доспехе, и она мысленно пообещала выцарапать бесстыжему глаза, если не отвернется.

Не отвернулся.

Птица сердито взъерошила перья и клюнула Кочевника. Несильно. Только чтобы привлечь внимание.

– Ты не мог бы сшить мне попонку? – спросила, когда тот обернулся.

– Сшить?!

– Попонку, – кивнула она. – Все на меня пялятся. Просто ужас. А вот если бы...

– Ты – Хан-Гароди, рожденная силой огня. Само собой, все на тебя пялятся. Не бери в голову.

– Но...

Много ли радости быть говорящей птицей, если тебя не слушают?

И как втолковать ему, что в попонке гораздо легче было бы сносить все эти взгляды, от которых перья становятся дыбом, а кожа зудит, словно по ней, щекоча, ползет мерзкая ядовитая многоножка? Взгляды, полные страха, злобы и похоти. Похоти! Хухэ Мунхэ Тэнгэри! Эти люди ни в чем не знают меры.

– Жареные осьминоги в чесночном соусе и овечьи ножки, тушеные с требухой! – весело пропел Трактирщик, выставляя перед Кочевником две полные, исходящие ароматным паром миски, и плоский сырный хлеб с хрустящей корочкой, и ворох зеленого лука, и кружку золотого, как солнечный день, яблочного вина.

Осьминоги. С овечьими ножками. «Ну, точно, – мысленно вздохнула Птица. – Ни в чем меры не знают».

Несмотря на поздний час (а, может, именно поэтому), трактир порта Южных Врат был полон, и Кочевнику с его Птицей не нашлось другого места, кроме как у самой стойки. Да и этого бы не нашлось, если бы Трактирщик не окликнул диковатого с виду замухрышку, маявшегoся у входа, ошибочно решив, что тот не только голоден, но и напуган.

На самом деле, Кочевник просто считал любое помеще-

ние о четырех стенах тесным, душным и малопригодным даже и для овец. Загнать его в подобное место мог разве что голод (или нытье Птицы). Ей же, напротив, все здесь нравилось: и тяжелые полукруглые своды, похожие на перевернутую каменную чашу, и выскобленные чуть не добела столы, и запахи – чеснока, пряных трав, жареной рыбы, сидра – и гул голосов, неумолчный, как морской прибой, там, снаружи. Да, все здесь было ей по душе.

Вот если бы еще не эти взгляды.

– Не желаете ли отведать рыбы, дивная госпожа моя? Морских ежей? Мидий? Креветок? – спросил Трактирщик, а Птица, немного смутившись, ответила:

– По правде говоря, не особо, ахай. Я змей люблю, – она вскинула на него пронзительно-ясные, цвета полуденного солнца глаза и пояснила: – Ну, в смысле, есть люблю, а так – нет. А! И еще мышей. Мыши тоже, скажу я вам, очень вкусные!

– Мыши? – Трактирщик озадаченно потер затылок. – Нижайше прошу прощения, дивная госпожа моя, но не думаю, что здесь найдется хоть одна. Я стараюсь содержать трактир в чистоте.

Он выглядел искренне огорченным, и Птица распушила перья, кокетливо склонив голову. Она ценила учтивость, пожалуй, больше доблести и даже честности. Учтивость же человека опасного и сильного была приятна вдвойне.

Бритоголовый, как борец или наемник, с могучей шеей

и тяжелыми предплечьями, он походил на обломок скалы, сошедший с лавиной, а, может, упавший с неба. Все платье его составляли короткий жилет тисненой кожи и холщовые штаны. Никакого оружия при нем не было. Да и зачем?

Он сам был оружие.

Дюжее медово-смуглое тело покрывали магические письмена, но по шрамам можно было прочесть куда больше – о тех горестях, что претерпел он, и бедах, что натворил. Птица могла заглянуть в прошлое его и в будущее, в его сны и мысли. Увидеть кровавый отблеск пламени на клинках. Услышать воинственные крики и стоны боли, визг боевых коней и разбойничий шепот во тьме. Но учтивость этого не позволяла, а учтивость она ценила почти превыше всего.

Хочешь что-то узнать – просто спроси.

– Могу ли я спросить, дивная госпожа моя, что привело вас в наши края? – учтиво спросил Трактирщик.

Птица, не сдержавшись, хихикнула и покосилась на Кочевника.

Тот жевал.

Самозабвенно вгрызлся в овечью ножку, позабыв о манерах – опять! – подбирал хлебом густой соус с тарелки, и отвлекаться на такой пустяк, как любезная беседа в мыслях не держал.

Ну что за бирюк!

– Пожалуй, я все же отведаю осьминогов, – учтивости ради согласилась Птица, и Трактирщик, просияв, точно полу-

чил золотой, после непродолжительной суеты на кухне подал ей (со всею учтивостью) блюдо сырых, розовато-лиловых крошечных осьминогов.

– Мы ищем его невесту, – сказала Птица, кивнув на Кочевника.

Спрыгнула с его плеча, и неловко протопала к блюду, стуча когтями по натертой до блеска стойке.

Идти по ровному было сущей мукой.

– О! Вот как? А что же стряслось? – спросил Трактирщик. – Девица сбежала? Была похищена? Могу ли чем-то помочь?..

– Ничего такого, не беспокойтесь, – Птица с сомнением оглядела осьминожки тушки, горой наваленные в миску. Прижала одну когтями, и, с пугающей ловкостью орудуя клювом, разорвала на куски и проглотила.

Вытянув лапу перед собой, пару раз сжала и разжала когтистые пальцы. Вздохнула.

Вздохнул и Трактирщик.

– Велю кому-нибудь раздобыть мышей, – сказал он, взмахом руки подзывая было мальчонку, разносившего кружки.

– Не стоит, спасибо, – сказала Птица. – Даже вкусно. Я просто подумала – до чего же все-таки унижительно есть ногами. Вот были бы у меня руки... И ноги – ну, **НОГИ**, понимаете?

– Были бы у тебя ноги – топала бы пешком, а не раскатывала на моем горбу, – буркнул Кочевник, не поднимая взгля-

да от еды.

Птица не обиделась.

Она успела понять, что он за человек, даже не заглядывая в его прошлое и будущее, в его сны и мысли.

Герой. Непреклонное сердце.

Пусть он был низкорослым и с виду невзрачным, а манеры его оставляли желать лучшего, но сердце – его непреклонное сердце – не ведало страха. Он ничуть не испугался, когда Птица явилась ему из пламени – а ведь она явилась ему из пламени! – соткалась из огня, и ветра, и праха, и древней яростной магии, бесконечной как синее небо, вечное небо. Чудеса устрашают – откуда-то Птица знала это наверное. Но в раскосых, черных, как уголь, глазах маленького степного человека расцвела ей навстречу одна изумленная радость – не страх.

И за это Птица сразу полюбила его всем сердцем.

Шаман, призвавший ее, тэнгэриин пшбилгатай заарин боо, прошел все девять степеней посвящения.

Искусство шамана было так велико, что никто за последние четверть века не видал его истинного облика. Он оборачивался то ветром, то быком, то конем, то пятнадцатилетним отроком, то золотой подковой, то вороном. Облака по одному его слову сбивались в грозовые стада и проливались дождем. Жестокие ветры ластились к нему как ягнята. Солнце и луна...

Ну, с солнцем и луной ничего особенно и не поделаешь.

Они сами по себе. В остальном же искусство его становилось все совершеннее, с каждым днем, с каждым годом. Но силы, признаться, были уже не те. Наверное, потому Птица и получилась такой маленькой.

Не больше воробьиного сычика.

А ведь Хан-Гароди издревле считались ездовыми птицами богов и героев. Могли утащить в своих мощных когтях жеребенка, а иные и быка. А она – что? Сама вон разъезжает верхом на своем герое, которого и за героя-то еще не всякий признает.

Очень уж тщедушным, неказистым он был. Посмотришь – не сразу заметишь, отвернешься – и вовсе забудешь.

Птица вздохнула. И еще раз.

Что ж, они друг другу под стать.

– Но, дивная госпожа моя, – любезно молвил Трактирщик, – зато у вас есть крылья! Найдется ли человек, который не мечтает о крыльях?

– И мне всегда было интересно – почему? – спросила Птица.

Люди удивляли ее.

Не так давно она появилась на свет, и, признаться, видела еще не так много людей, но – люди удивляли ее. Снами и мыслями, намерениями и мечтами. Даже зная их будущее наперед, не знаешь, чего от них ждать. Даже оглядываясь назад, в их прошлое, не можешь понять, что привело к тому или другому поступку. Да, люди удивляли ее не меньше, чем

она сама их удивляла. Разница была, пожалуй, лишь в том, что Птица-то никогда не забывала о вежливости.

Трактирщик пожал могучими плечами.

– Крылья – это свобода.

– Ну, не знаю, – Птица расправила крыло, раздумчиво оглядывая перья цвета пепла. – Свобода, она в душе, разве нет? Вне гнева, вне страха и вне корысти, вне похоти и вне алчности, вне привременного и вне суетного, свобода озаряет мрак и самой темной души сиянием небесным, чистым. А крылья – это всего лишь крылья.

Трактирщик поднял со значением бровь, собираясь то ли возразить Птице, а то ли согласиться с нею – но сказать ничего не успел.

Пусть она была слишком маленькой, легкомысленной и любопытной, пусть предпочитала приятную беседу подвигам и битвам, но зло всегда чуяла безошибочно. Ловко увернувшись от жадных рук, едва не схвативших ее, Птица вспрыгнула на голову Кочевника, развернула крылья (на этот раз угрожающе), и зашипела, заклекотала, гневно занялась призрачным, синим пламенем.

– Ну, что ты творишь? – сказал Кочевник, снял ее с шапки, дунул как на свечу, и, поглаживая, прижал к груди. Равнодушно скользнул взглядом по рябому верзиле, протолкавшемуся к стойке, и снова принялся за еду.

– Эй, желтолицый! – развязно крикнул верзила. – Покупаю твое чудо в перьях. Плачу серебром. Не благодари, не

стоит.

Грузный, крепкий, злобный, как лесной вепрь, он все равно показался Птице каким-то жалким. Не человек – дырка в небе. Словно и не было у него ни прошлого, ни будущего. А сны его и мысли...

Птица даже зажмурилась от омерзения, забившись под мышку Кочевника.

«Нет уж, скорее я в колодец брошусь, чем стану читать такое», – подумала.

Кочевник же словно и не видел рябого, нависавшего над ним как гора. Знай себе подтирал хлебом остатки подливывы. Он и миску бы вылизал, если бы не Птица, постоянно твердившая ему, что на людях так поступать не принято.

– Что, серебро и в руках не держал? Ну, вот тебе в придачу, – верзила отстегнул кошель с пояса, и высыпал перед ним горсть мелких монет. – Медяки, небось, привычнее.

– Не продается. – Кочевник, так и не взглянув на рябого, дожевал последний кусок, аккуратно собрал крошки, и отправил в рот.

– Не продается? Да что ты? – вроде как даже обрадовался рябой. – Запомни, недоросток: я всегда получаю то, что хочу. Не желаешь серебра, так отведаешь железа.

– Чаще всего ты получаешь по шее, Бербезиль, – вмешался Трактирщик. – Надо ли думать, что и сейчас хочешь того же?

– Кликнешь стражу? – вызывающе скривил губы тот.

– Зачем бы я стал это делать? – ответил Трактирщик с таким устрашающим, леденящим душу удивлением, что и Птица удивилась, как это рябого тут же не приморозило к стойке.

Бербезиль, храбрясь, вскинул оплывший, покрытый неопрятной щетиной подбородок, процедил:

– Ну, так или иначе, а я свое возьму! – и, злобно смахнув монеты со стойки, ринулся из трактира прочь.

Медяки со звоном раскатились по каменному полу. Какой-то пьянчужка, радостно пыхтя, кинулся собирать их, а больше никто из сидевших в трактире и с места не сдвинулся, только подбадривали – или бранили – того пьянчужку, когда он совался под ноги.

Ну, почти никто.

Трое (самого разбойного толка) поднялись, и последовали за Бербезилем.

«Плохо. Очень плохо», – подумала Птица, с беспокойством поглядывая на Кочевника.

– Этот Бербезиль – подлый парень, – сказал Трактирщик, неспешно протирая оловянные кружки. – И, к тому же, один не ходит. Вот любопытно! Как это подлые люди всегда находят себе компанию?

Кочевник, помедлив, кивнул.

– Еще осьминогов? А, может, морских чертей с оливками? Поверьте, вкуснее морского черта только его печень, – доверительно сообщил Трактирщик.

– Мясо? – с тоскливой надеждой взглянул на него Кочевник.

– Бараньи ребрышки, томленные под луком?

Последовал новый кивок.

Едва дождавшись, пока любезный Трактирщик отойдет, Птица напустилась на своего товарища:

– Ты же заметил? Сам заметил! Почему не сказал? Собираешься убить их? В городе, знаешь ли, так не принято! Тебя схватят и бросят в яму, и...

– Вечно ты со своими «принято-не принято», – проворчал Кочевник. – Дай поесть спокойно. И сама вон поешь. Поешь. А то ведь опять растерзаешь чью-нибудь кошку, – и ехидно добавил: – а в городе, знаешь ли, так не принято.

Птица, надувшись, взялась за еду. Ох уж эти кошки. Слишком с ними все носятся, вот что.

Трактирщик принес новое блюдо и снова задержался за стойкой (надо сказать, непозволительно пренебрегая своими обязанностями) с приятною поглядывая на Птицу.

– Вы говорили о пропавшей невесте, когда тот грубиян прервал вас, дивная госпожа моя, – сказал он, уютно подпирая щеку ладонью. – Не окажете ли мне честь и милость, продолжив?

Приосанившись, Птица сказала, что рада будет услужить столь приятному и учтивому собеседнику. История касалась и Кочевника, но не принадлежала ему, да, кроме того, угрюмый прожора этот ничуть, кажется, не возражал, заня-

тый лишь тем, чтобы набить свое бездонное брюхо, и, снова порхнув ему на плечо, Птица начала:

– В давние-давние времена, прошлые прекрасные времена, когда не было ни богов, ни героев, а было лишь высокое синее небо и бескрайняя степь, люди жили мирно, мирно жил в степи род Мэргэн, владея бесчисленными стадами желтых овец, бесчисленными табунами пестрых коней. Всю северную сторону заполняли табуны пестрых коней, бархатисто-черных коней, и золотисто-соловых. Всю южную сторону заполняли стада овец и рыжих коров. В день только один раз еле-еле удавалось собрать табуны с северной стороны, кое-как собрать стада с южной стороны...

«Девять лет мне это снилось», – подумал, жуя, Кочевник. Высокое синее небо и бескрайняя степь, где табуны пестрых коней пасутся широко и привольно. Бесчисленные табуны коней, бесчисленные стада овец.

Сестрица Башалай называла его Нюсха Муу – просто так, в шутку. Он был самым младшим. Самым маленьким. Сестрица Башалай говорила, что он вырастет богатырем, и тогда она придумает ему другое прозвище.

Так и не вырос.

Сестрицу Башалай просватал хан из местности Арихусун, и отец взял Нюсха Муу с собой, чтобы проводить ее. По дороге они встретили одного меркита, охотника, которому так понравилась сестрица Башалай, что он вернулся со своими братьями, и все вместе они напали на род того хана.

Отца убили, и хана тоже, и многих еще людей из того рода. Сестрицу Башалай увезли, угнали скот, а Нюсха Муу и других мальчишек продали какому-то подкочевывающему племени.

Через три дня он сбежал. Его поймали и забили в колодки. Он снова сбежал при первой же возможности, и затаился в маленьком озере, выставив из воды одни ноздри. На этот раз его не нашли.

Он пошел, куда глаза глядят, и встретил человека из племени сулдус. Человек предложил ему спрятаться в телеге с шерстью. Нюсха Муу думал, что человек хочет помочь, но тот продал его первому же заезжему купцу. Колодки с него так и не сняли.

Купец продал его в большом городе другому купцу, торговавшему людьми. Нюсха Муу сбежал. Его поймали и наказали, чтобы устрашить других. Так оно и пошло. Он не был хитрым, но был упрямым.

Это плохо для раба.

Его продавали. Он сбегал. Его ловили и наказывали, а он все никак не умирал от этого. Он не думал о смерти – не боялся ее и не искал. Он думал о бескрайней степи и бесчисленных стадах. Ему снилось высокое синее небо и голос сестрицы Башалай:

– ...на северной стороне тысячи тысяч коней, на южной стороне тысячи тысяч овец пасутся широко и привольно...

Птица думала, что Кочевник не любит стены, как вольный

степной человек. А он ненавидел стены как раб. Подвалы, трюмы кораблей, загородки, сараи, даже светлые чистые дома – стены их были тюрьмой для него.

Вот и все.

Его увозили все дальше и дальше от дома. Наконец, Нюсха Муу и многих еще других рабов погрузили на корабль и доставили в город Джидду. Это был очень красивый город, почти такой же красивый, как сестрица Башалай. Белый город под пламенеющим небом, отражения которого скользили по водам лагуны. Белый город в мерцающем бледном тумане, а дальше – нестерпимо сияющие пески и гряда низких гор, дрожащих в мареве зноя.

В этом красивом городе Нюсха Муу продали шейху племени ховейтат. Купец был честным, а может, очень боялся шейха племени ховейтат, поэтому долго не хотел продавать Нюсха Муу. Предлагал другого раба, сильного и послушного, а Нюсха Муу обещал отдать в подарок. Но шейх купил Нюсха Муу, перекинул через седло, и увез в пустыню, к нестерпимо сияющим пескам.

Люди племени ховейтат жили в шатрах. Никаких стен. С Нюсха Муу сняли колодки, хотя купец и предупреждал, что делать этого не следует. Но нестерпимо сияющие пески охраняют лучше всяких стен и кандалов.

В этом Нюсха Муу убедился сам.

Он лежал в тесной щели между двумя камнями, куда заполз умирать. Ему повезло. Там была лужица грязной мут-

ной воды. Сначала он вылизал ее всю, едва удержавшись, чтоб не сожрать и влажный песок. А потом впервые подумал о смерти.

Губы его потрескались и кровоточили, глаза покраснели, а кожа на лице и руках была обожжена, будто он сунул их в костер.

«Надо было умереть в Джидде, – думал он. – Красивый город». Сестрица Башалай. Бесчисленные табуны пестрых коней, бархатисто-черных коней и золотисто-соловых... Бархатисто-черный конь склонился к нему, тронул мягкой мордой, и заговорил по-арабски. «Это ничего», – подумал Нюсха Муу. Он долго был рабом и знал множество языков.

Его нашел сын шейха племени ховейтат. И так Нюсха Муу стал его рабом. Шейх племени ховейтат им больше не интересовался.

Сына шейха звали Фейсал, что значит – меч, сверкнувший при взмахе. Он спросил Нюсха Муу, что значит его имя, и тот почти честно ответил – соплячок. Отсмеявшись, сын шейха пообещал придумать ему другое, но Нюсха Муу отказался. Он не хотел забывать сестрицу Башалай.

Фейсал не стал бранить его и наказывать. Он обмыл лицо Нюсха Муу, дал воды и фиников.

Фейсал и Нюсха Муу подружились. А почему бы и нет? Люди называют друзьями прекрасных боевых коней и рыжих собак, пасущих скот, ласкают ягнят, которых потом забивают и едят. Почему же сыну шейха не назвать другом маль-

чика-раба?

Сперва Нюсха Муу прислуживал Фейсалу. Стелил поверх плохонького ширазского ковра роскошный белуджский, на котором Фейсал совершал свои молитвы. Готовил сиропно-сладкий зеленый чай и горький кофе. Сопровождал повсюду, держась за стремя верблюда.

Потом сын шейха сказал, что лучше бы Нюсха Муу поучился ратному делу. Нюсха Муу так и поступил.

Племя ховеятат владело верблюдами и лошадьми, козами и овцами. Стада нельзя было назвать бесчисленными даже из вежливости. Племя ховеятат промышляло не скотоводством, а набегами на другие племена.

Два года прожил с ними Нюсха Муу. Многому научился и немного подрос. Хорошо отдохнул, стал сильным, спокойным. Потом украл верблюда и сбежал.

На этот раз сын шейха не нашел Нюсха Муу. Может, и не искал. А может, устремился в погоню через каменистую равнину Бисайта. Такой путь выбрал бы только сумасшедший, но Фейсал хорошо знал Нюсха Муу. Нюсха Муу знал Фейсала еще лучше, поэтому и отправился в Джидду.

Удобным путем.

Город открылся его взору как дивный цветок – белый, и золотой, и розовый в лучах заходящего солнца. Нюсха Муу был рад еще раз увидеть его. Он переночевал под песчаным холмом, а поутру, когда открыли городские ворота, вошел в Джидду, продал верблюда, купил фиников и сушеного мяса,

пробрался на первый попавшийся торговый корабль, и затаился в трюме, словно мышь.

Через несколько дней корабль атаковали морские разбойники. Нюсха Муу вылез из трюма и бился наравне со всеми. Он больше не хотел быть рабом. Он хотел вернуться домой. Сабля его была бесценной дамасской стали. Фейсал подарил ее Нюсха Муу за храбрость.

Когда в живых остались только Нюсха Муу, кок и самый толстый и трусливый из купцов, предводитель разбойников предложил Нюсха Муу присоединиться к ним – в обмен на эти три жалкие жизни.

– Саблю тоже не отдам, – сказал Нюсха Муу.

Он разбойничал с ними еще два года. Рабы живут беззаботно, а человеку свободному нужны деньги. А еще Нюсха Муу пока не очень-то представлял себе, где находится его дом.

Море он ненавидел. Оно было коварным, капризным и алчным. Всегда норовило взять больше, чем дает. Спокойное море было похоже на степь, за что Нюсха Муу ненавидел его еще горше.

Затем он покинул корабль (в этом самом порту Южных Врат) и пошел домой.

И так шел он, шел, шагал, шагал, пока не пришел в родимую землю. Обрадовался сильно. Но, сколько ни смотрел, не увидел, не нашел того, что оставил. Степь оказалась не такой уж бескрайней. Отовсюду ее теснили города и селенья. От

многочисленного рода Мэргэн осталась лишь разрозненная горстка нищих подпасков. После смерти его отца Шоно-хан согнал мать и сестер с последнего клочка земли, забрал их табуны и стада. Мать умерла, а сестры скитались по степи, жили впроголодь даже летом.

Узнав, что сестры живы, Кочевник обрадовался еще сильнее, сумел отыскать их, а после отправился к Шоно-хану, и убил его так быстро и жестоко, что больше никто не посмел с ним сразиться. Кочевник оставил себе его белую юрту, его табуны и стада, а жен, и детей, и всех остальных отпустил. Сказал:

– Уходите туда, откуда пришли.

Пусть теперь они скитаются по степи.

Никто никогда не смог бы назвать Шоно-хана богачом. Табун был небольшой, голов в полсотни, а овец так и всего две дюжины.

Кочевник не очень-то знал, что со всем этим делать. Он вырос вдали от дома. Был разбойником, а не пастухом. Убийцей, а не охотником. Мечником, а не лучником.

Но третья сестра его была сильной и меткой. Натягивала лук с такой силой, что от зарубки на стреле дым мог пойти. Никогда не возвращалась на стойбище без свежей дичи – хоть двух худых зайцев, а принесет.

Четвертая и пятая сестры ловко управлялись со скотом. Вторая сестра в мать уродилась, рукодельницей. Шила одежду так искусно, что и швов было не видеть.

А первая сестра его...

Сестрица Башалай.

Кочевник надеялся, что она хорошо живет со своим разбойником-меркитом и родила ему здоровых сыновей. Он не собирался мстить разбойнику-меркиту за отца. Он хотел, чтобы сестрица Башалай была счастлива.

Его же счастье ни меры, ни границ не имело – хоть степь не была уже бескрайней, как прежде, ему и такой хватало, и жил-поживал он хорошей, спокойной жизнью.

Пока не объявился Шаман.

Как-то раз Кочевник сидел на красивом холме (а если сесть на красивом холме, поворотившись спиной к ближним и дальним селеньям, и смотреть только вперед, то степь казалась бескрайней как прежде), и увидел необыкновенно красивого отрока лет пятнадцати.

Очень красивым он был.

Краше города Джидды, краше сестрицы Башалай. Шел так легко, что цветы и травы за ним поднимались, а глаза его сияли как солнце и луна. Остановившись перед Кочевником, отрок молвил:

– Отправляйся в Поднебесную страну, ту, что между небом и землей, найди там девушку, прекрасную, сильную, стройную, высоко подпоясанную, дочь воды и ветра, и возьми ее в жены. Девушка захочет испытать тебя, обернется бобром и ринется в небесную реку, тогда ты...

– Иди отсюда, мальчик, – сказал Кочевник.

Отрок выпучил сияющие глаза и вдруг исчез, рассеялся, как утренний туман над морем.

Кочевник спустился с холма и поехал с третьей сестрой своей поохотиться. С досады так натягивал лук, что чуть не рвал тетиву.

Сестра, заметив, что стал он печальным и угрюмым, спросила:

– Почему ты стал печальным и угрюмым, брат мой?

Тогда он, понурившись, рассказал ей про красивого отрока и его непонятные речи.

Сестра сразу догадалась, что был тот отрок сам зарин-боо, великий шаман, и сказала, мол, никак нельзя его слушаться.

– Ладно, не стоит горевать, – добавила она. – Так и так, самое время тебя женить! Мы, твои сестры, соберем тебе припасы в дорогу, смастерим добрый лук и стрелы, а там и отпавишься.

Однако разумные слова сестры рассердили Кочевника еще больше.

Он рвался из оков, терпел побои и брань, скитался, бедствовал, убивал, даже предал того, кто считал его другом – чтобы просто вернуться домой.

И вот он вернулся. И больше никуда не пойдет. И нет силы, которая могла бы заставить его. А если есть – он готов противостоять ей.

Он не раз делал это прежде. Боролся, противостоял, по-

беждал.

А что до женитьбы – так он жениться не прочь. Дело хорошее. И девицу-оборотня он бы взял за себя.

Подумаешь, эка невидаль.

Места здесь дикие, вольные. Степь да горы. Тайга. Люди и звери, солнце и звезды, деревья и реки, облака и ветры – все друг другу родня. Сказывают, Высокое небо, Ундэр тэнгри, высватало за своего сына дочь Широкой земли, Улгэн дэлхэй. Так они породнились.

А Месяц, брат Солнца, сказывают, женился на простой девушке. Из бедной семьи. Та девушка с утра до вечера хлопотала по хозяйству, а с вечера до утра сидела за рукоделием, чтобы отца с матерью прокормить (а она одна у них была). Вот Месяц на нее смотрел-смотрел – до чего она пригожая да работящая – да и влюбился.

С неба, значит, слез и пошел к драной юрте, где милая его жила. Заходит, а в юрте сидят старик со старухой, и рядом та девица что-то вяжет.

Месяц и говорит старику, отцу ее:

– Хочу вашу дочь замуж взять и забрать в свои небесные чертоги.

А родители той девицы были совсем негодные люди. Злые, ленивые, скаредные.

Старик говорит:

– Ишь, что удумал! У нас единственная дочь. Скоро мы совсем состаримся... Кто нас будет кормить? Кто за нами

будет ухаживать, присматривать? Нет, не отдадим тебе дочку! Поди прочь!

Разгневался Месяц на такие речи и превратил их в змей. Змеи шипят, в клубок свиваются, ядом исходят – смотреть тошно. Огорчилась от этого девица до невозможности, но сильно бранить жениха не стала (очень красивый он был, понравился ей). Только и молчать не смолчала.

– Нет, – говорит, – так дело не пойдет. Разве вас там на небе не учат почитать родителей? Как я могу их тут одних в пыли оставить? Нет и нет.

Повздыхал Месяц, поиграл грозно бровями, а делать нечего.

– Ладно, – говорит, – возьмем их с собой.

И превратил змей в две сизые тучи.

Тучи по небу важно ходят, друг дружку боками толкают – тут уж сразу гром, град да ветер злой, только держись. Но вроде всем довольны.

А Месяц привел девицу в свой небесный чертог, сыграли они свадьбу (большой праздник был по этому случаю, девять ночей веселились на небе звезды) и зажили в любви да согласии. Мирно зажили, хорошо.

Да, всякое бывает.

Вот сказывают еще, что род медведей происходит от людей. Было так: один царь-насмешник решил испугать прохожего на дороге и залез под мост. Когда тот прохожий стал через мост переходить, тот царь как выскочит, как закричит!

А тот прохожий был бурхан. Осерчал на царя, и превратил, недолго думая, в медведя. Сказал: «Будешь теперь в лесу людей пугать».

И ушел.

А царь медведем так и остался. От него-то медвежий род весь и происходит. Потому, если снять с медведя шкуру, то он выглядит как человек. У него человечесьи ступни и пальцы, он умывается, любит своих детей, радуется и горюет, как человек, понимает человеческую речь и сам иногда говорит. На медведя и на человека собака лает одинаково, не так, как на других зверей, и медведи любят брать себе жен из людей.

А один древний род, сказывают, от волков пошел. Потому песни этого рода все протяжные и жалобные, точно волчий вой.

А другой род, сказывают, пошел от охотника, что подстерег белую лебедушку, которая как-то раз, решив искупаться в озере с подругами, скинула свои перья, и обратилась красивой девицей. Так он одежу-то ее лебединую прибрал и тем вынудил замуж за него пойти. И с тех пор в этом роду девицы красивые, как на подбор, но нравом печальные и дикие, а парни до того пронырливые и хитрые, что даже сами себе не верят.

Да, всякое бывает.

Кому волк товарищ, а кому месяц зять. У кого жена-лебедушка, а у кого муж-медведь.

Но бобер?

За такой невестой пусть заарин-боо сам отправляется. Куда подальше.

Нет, правду говоря, Кочевник и на бобре бы женился. Да хоть на жабе. А что? С лица воду не пить. Была бы только девица веселая да работающая.

Но в женитьбе никто ему не указ. Так-то.

Сильно разозлил его этот Шаман.

Он шел домой долгие месяцы, годы – и теперь никто не заставит его покинуть родные края.

Он был рабом долгие месяцы, годы – и теперь никто не смеет ему указывать, что делать и чего не делать.

«А не взять ли жену из меркитов?» – подумал Кочевник и немного приободрился.

Это была хорошая мысль.

Шаман все не унимался.

То ветром обернется, то быком, то конем, то пятнадцатилетним отроком (очень красивым), то золотой подковой. То дымом, туманом в юрту вползет, то черным вороном распустит когти над головою, и все талдычит о бобрах да небесных реках.

Но и Кочевник был упрям.

Быку отрезал ухо. Коню ничего не сделал, пожалел. Просто прогнал. Золотую подкову отнес в дальнее селение, сменил на две дюжины овец, подарки сестрам и бархатисто-черного, ярого жеребца.

Бархатисто-черный, ярый жеребец отогнал от стойбища

и одноухого быка, и другого бархатисто-черного жеребца, и трехсаженную рыжую собаку, и дождь, и ветер, и ясноглазого отрока, и медведя, и стаю странных птиц, и дикого козла.

«Ты еще бобром обернись», – посмеиваясь, думал Кочевник.

Но и Шаман, как видно, сильно разозлился.

Одним вечером Кочевник сидел на своем красивом холме. Вдруг с неба камнем упал ворон и клюнул его прямо в темя.

Очнулся глубокой ночью, в бескрайней степи, в незнакомом месте. Невдалеке горел костер. Кочевник встал и пошел к нему.

Вкруг огня вился, плелся туман, танцевали тени вепря, коня, быка, красивого отрока, ворона, пса. Затем туман сгустился, собрался в белоголового старца с бородой, заплетенной четыре косы, дважды обернутые вокруг шеи. В руках у старца не было ни бубна, ни посоха, только ветер. Он бросил ветер в костер, пламя взметнулось, и старец сказал:

– Смотри!

Кочевник увидел в пламени не Поднебесную страну и не девицу-оборотня. Он увидел сыновей своих сыновей. За ними шла орда, захватывая земли, города и селения, неся неисчислимыя беды. Безжалостный и жадный народ-войско не знал поражений, заливая кровью землю от моря до моря с жестокой радостью.

– Они оседлают мир, – сказал старец. – Сыновья твоих

сыновей сожгут селенья, разрушат города, и сытая от крови степная трава взойдет там, где был камень. Истаявшая степь возродится, и восстанет твой потерянный род. Нити судьбы уже сплелись в кровавый узор, и ты, безымянный раб, сирота, скитавшийся по воде и по земле...

– Слышь, дедан, – грубо прервал его Кочевник. – Ты войну хоть раз близко видел?

Шаман замолчал. Не ответил шаман, молча смотрел на него слезящимися, белесыми, как туман, глазами. Тени меркли – тень вепря, и тень коня, тень быка и тень красивого отрока, тени ворона и пса – и сам старец с ними блекнул, таял, рассеивался как горький, удушливый дым.

– Я был рабом долгие месяцы, годы. Долгие месяцы, годы я шел домой, – сказал Кочевник этому дыму, туману. – Весь свет объехал, выбился из сил. Теперь отдыхать буду. Делай, что хочешь, бессовестный, скверный старик, но никуда я больше не пойду.

Так он сказал, хоть и не сомневался в пророчестве старца.

Он знал, что люди никогда не устанут воевать и легко поверил, что сыновья его сыновей могут учудить такое: захватить чужие земли, разрушить города, сжечь селения, лить реки крови, забивать в колодки чужих сыновей.

Мысль эта вызывала у Кочевника усталое отвращение. Он не видел в войне ни смысла, ни доблести. Ему с лихвой хватило той крови, что он пролил сам, тех колодок, что он носил сам.

Он хотел жить мирно, как в давние-давние времена, прошлые прекрасные времена, когда не было ни богов, ни героев, а было лишь высокое синее небо, вечное небо и бескрайняя степь.

Кочевник взглянул на тень старца без гнева, но непреклонно, и тогда тэнгэрийин пшбилгатай заарин боо, шаман, прошедший все девять степеней посвящения, исчезающий, вездесущий, могучий как ветер, призвал Хан-Гароди.

Она вышла из огня, такая маленькая и красивая! Очень красивая она была. Клюв и когти пламенели раскаленным железом, глаза были как расплавленное золото, перья – как пепел, а тело – как темная бронза.

Кочевник всегда был упрям. Да, очень упрямым он был, не поддавался ни горестям, ни невзгодам, ни людям, ни смерти. Не верил ни в богов, ни в судьбу – слишком долго он был рабом. Но Птица явилась ему истинным чудом из самого сердца пламени, поэтому он сразу в нее поверил, полюбил ее как свою душу.

Чудо застало его врасплох, отомкнуло золотым ключом непреклонное сердце. Смутило и сбило с толку, пробудило надежду, неясную, но и необоримую, словно там, глубоко-глубоко, далеко-далеко, под тяжким камнем стойкости, за семью замками терпения и семью дверями бесстрашия, в золотой кладовой его души, где сиял неизменно тихий свет красы сестрицы Башалай, и далекого города Джидды, и высокого синего неба, вечного неба, было место для чего-то

еще.

Для чего?

Он и сам не знал.

Ну, не спросишь так и не узнаешь, не будешь искать – не найдешь.

Кочевник посадил Птицу на предплечье и пошел собираться в дорогу.

– ...вообще-то, я должна была отнести его в Поднебесную страну, – печально сказала Птица. – Но я такая маленькая, что и кошку едва ли смогу туда доставить.

– Не маленькая ты. Нормальная, – хмуро буркнул Кочевник. – Сколько раз говорить?

Встретил насмешливый взгляд Трактирщика и нахмурился еще больше.

– Ну, не беда, – сказала Птица. – Сестры его сплели красную шелковую нить в восемьдесят сажен.

Мне нужно лишь долететь до Поднебесной страны и зацепить эту нить за железную дверь в небе. Тогда Кочевник сможет сам по ней забраться.

– По нити? – с сомнением спросил Трактирщик.

– Она довольно прочная, – уверила его Птица. – А Кочевник довольно легкий. Если не кормить его день или два...

Кочевник сделал презрительный жест, подразумевая, что не кормить его день или два никак не получится.

– ...а добравшись до железной двери, мы сможем войти в Поднебесную страну, ту, что между небом и землей, – тем

не менее продолжала Птица. – Там необыкновенно красиво! Расстилается степь, покрытая разными цветами, виднеются горы из белых-белых сверкающих облаков. Небо светится нежными, разноцветными лучами, и кругом летают волшебные птицы. Не такие, как я, а прекрасные искуснопевные калавинки...

– Да кому нужны эти калавинки? – вставил Кочевник.

– А дальше стоит прекрасный светлый дворец, – все заливалась Птица. – Снизу посмотришь на него – семь тысяч окон, и большая серебряная дверь, сверху посмотришь – окон без числа, и большая золотая дверь, а за ним – тридцать три базара и три бурхана. Но нам туда не надо, – она вздохнула. – Нам надо к небесной реке. По берегам ее растут диковинные деревья. Стволы у них красного золота, а ветви – белого серебра. С ветвей свисают драгоценные нити с алмазными колокольцами, а под сенью этих деревьев отдыхает девушка, прекрасная, сильная, стройная, высоко подпоясанная, дочь воды и ветра.

Вот на ней-то и должен жениться Кочевник. Девушка непременно захочет испытать его, обернется бобром и ринется в небесную реку, тогда он...

– Погодите-ка, – сказал Трактирщик, яростно потирая бритый затылок. – Так вы ищете китайнку?

– Китайнку? – удивилась Птица.

– Тут дело вот в чем, дивная госпожа моя, – проговорил деликатно Трактирщик. – Пророчества – дело туманное, и

нельзя понимать их (как я понимаю) так уж прямо. Это притча. Шарада. Загадка. Ну, вот, к примеру, существует древняя сказка о нитях судьбы. Согласно ей, неосязаемая красная нить связывает две души, которым должно быть вместе, несмотря на время, расстояние и обстоятельства. Ничто и никто не может разорвать эту нить, связь между двумя, что созданы друг для друга. Рано или поздно они соединятся. А Китай называют Поднебесной страной. Путь туда далек и труден, мало кто решится на него, вот люди и придумывают всякие...

– ... враки! – Кочевник хлопнул себя по лбу, и обратился к Птице. – Ну конечно! Нам надо было идти на восток.

– Мы пришли с востока, – огрызнулась она.

– Мы могли пойти с востока на восток.

– Не могли, раз не пошли! Нас судьба ведет, забыл? Может, нам и надо идти на восток, но через запад! Может, нам придется обойти землю три раза!

Трактирщик, пребывая в глубокой задумчивости, протер кружки, стойку и едва не протер Птицу. Она отпрыгнула с игривым писком.

– Может, и не придется, – все еще задумчиво сказал Трактирщик. – Здесь, в Веселом квартале, есть одна китаянка. Вы могли бы расспросить ее о Поднебесной стране. Для начала?

Кочевник хмуро взглянул на него:

– В Веселом квартале? Ты шутишь?

– По мне, так разумнее поискать китаянку в Веселом

квартале, чем железную дверь в небе, – пожал плечами Трактирщик.

Кочевник шумно вздохнул, но вынужден был согласиться. Как ни крути, а мысль неглупая.

Он встал, выложил на стойку несколько монет, и усадил Птицу на плечо.

– Ваша история стоит ужина, – Трактирщик отодвинул монеты. – Давайте объясню, куда идти.

– Веселый квартал – не железная дверь в небе. Каждый укажет, – сказал Кочевник.

– Этот город построили пираты, мародеры и бедовые купцы. Он никогда не спит, и кварталы здесь – один веселее другого.

Город и правда не спал.

В лабиринте узких улиц бился заплутавший морской ветерок, доносил откуда-то смех, и брань, и вороватые шаги. На площади какие-то оборванцы, обнявшись, орали похабную песню, как пьяные матросы (а возможно, это и были пьяные матросы). В доках кипела работа. Пахло рыбой, цветами и морем. Море вздыхало, шептало во сне, во тьме, раскинувшись бесконечно под черным бездонным небом, полным звезд.

Кочевник неохотно отвел взгляд от неба, от звезд, и свернул почти у самого порта в боковую улочку с редкими еще, вразнобой стоящими домами.

Этот Веселый квартал только начали отстраивать и здесь

было относительно тихо.

Он прошел мимо каменного дома, из которого доносились музыка, женский визг и грубый мужской смех. И мимо деревянного дома, из которого доносились музыка, женский визг, и грубый мужской смех.

У бумажного дома остановился.

Здесь лишь тихая музыка плыла, вплетаясь в ночь, и в шепот моря, и в трепещущий ветер, и в медвяный, дурманнный аромат цветов, такой густой, что, казалось, лепестки кружатся, танцуют в воздухе, не в силах противостоять тихим вздохам ветра – или музыки?

За невысокой оградой поблескивал маленький пруд. В воде отражалась луна, мерцала как круглый, тусклый глаз мертвеца, уставившийся в озаренное луною небо. У дома росли крупнолистные кусты, усыпанные щедрыми гроздьями душистых, невиданных им прежде цветов, похожих на маленькие лиловые солнца. Мягко светился белый бумажный фонарь, точно кто-то пролил в сиреневую тьму ночи чашку хурэмгэ. У пруда на соломенной циновке сидела девица и играла на хуре – или чем-то подобном.

Была она красоты небывалой, дивной такой красоты, что Кочевник загляделся на нее, засмотрелся, глаз не мог от нее отвести.

– Не похожа она на бобра, – нерешительно подала голос Птица.

– Нет. Совсем не похожа, – сказал Кочевник. Вечно на-

хмуренные брови его разошлись от переносицы, а сухонькое личико исказила странная гримаса – с непривычки улыбка никак не получалось.

Она была похожа на луну.

Нежное набеленное лицо было как луна. Девять серебряных шпилек в высокой прическе были как лунные лучи. Музыка ее хура была нежной как лунный свет, а маленькие изящные руки порхали по струнам как отблески лунного света. На девице был красный шелковый дэгэл, искусно расширенный цветами и бабочками, птицами и драконами, схваченный широким поясом – под самую грудь.

«Высоко подпоясанная!» – с глупой радостью подумал Кочевник. Сердце пустилось вскачь, как гунан-хэер.

– Сзади, – тихо сказала Птица.

– Знаю. Давай, лети.

– Но как же...

– Давай. Я сам.

Птица прыгнула в темное небо, а он обернулся, мягко, словно боясь расплескать раньше времени затопившую его ярость.

Он был зол. Ох, как же он был зол!

Рябой Бербезиль, а с ним те трое?

Нет. Шестеро.

Крепкие. Подзаплывшие жирком, а один и вовсе пузатый. Но в уличной драке оно и лучше. Не молодые и не старые. Такие обычно ошиваются по кабакам в поисках грязной ра-

боты. Он и сам этим промышлял, пока шел домой. Только стоил подороже, да и работа у него была...

Скверная была работа, что и говорить.

Они увязались за Кочевником от самого трактира. И почему было не напасть в темном узком переулке? У площади? В доках? Почему надо было тащиться за ним сюда, где сияла красою нежная лунная дева, где искусно ткала она тонкими пальцами тихую музыку ночи?

Не хотел он их здесь убивать.

Бербезиль проследил взглядом за Птицей и самодовольно сказал:

– Так или иначе, а я свое возьму. И ты свое получишь. Думал, шучу?

Кочевник и думать не думал, шутит ли этот Бербезиль.

Совсем не думал.

Он думал о сестрице Башалай. Как кричала она, когда разбойник-меркит резал их отца.

Он совсем не хотел, чтобы так же кричала пригожая лунная дева. Чтоб бежала, неловко путаясь в шелке одежд, и кричала от страха – перед ним, перерезавшим у нее на глазах этих никчемных баранов, залившим кровью тихую, чудную ночь.

Нет, совсем не хотел.

Он снова окинул взглядом тех, что пришли за ним.

Встали кругом, дурачье. Без драки не вырваться, придется бить, убивать. Без криков, без крови не обойдется.

Повесил голову Кочевник, пригорюнился. Не хотел он пугать лунную деву, да, видно, ничего не поделаешь.

Бербезиль, усмехнувшись, занес руку, медленно, наслаждаясь предвкушением легкой расправы, но его тяжелый кулак провалился в пустоту. Кочевник ускользнул, словно тень, отступил, легонько толкнул рябого в спину. Бербезиль покачулся, запутавшись в собственных ногах, нелепо взмахнул руками и по случайности отвесил оплеуху пузатому.

– Э? – взревел тот. – Ты чего? – и врезал ему в ответ.

– Да не меня, крысеныша этого желтопузого вали!

Кочевник упал на землю, перекатился, дернул одного за щиколотки, другого подсек под колени.

«Вот как я сделаю, – подумал. – Уложу их быстро, без крови. Не успеет она испугаться».

Со стороны, верно, казалось, что заморыша избивает ногами пьяная свора.

Внезапный порыв ветра накинуд на луну рваное облако, и тотчас мрачные жадные тени окружили городских подонков, словно сама тьма торопилась поглотить их.

«Так-то и еще лучше», – успел еще подумать Кочевник, когда сверху, с самого неба, донесся вдруг воинственный клекот, и шелест – во тьме примнилось, что тысячи крыл.

«Птица, – Кочевник с досадой немалою взглянул в темное небо, – Вот дура. Говорил же...»

Но это была не Птица.

Мелькнули длинные шелковые рукава. Причудливая, о двух выступах, деревянная подошва врезалась в лицо пузатого здоровяка. На белый двупалый носочек брызнула кровь.

Другой ногой девица – лунная дева! – лягнула в грудь рябого, оттолкнулась, локтем, сверху, ударила в незащищенную доспехом шею еще одного. Скрестив руки, отразила неуклюжий чей-то удар, и ловко приземлилась, упираясь в землю пальцами правой руки, и далеко отведя левую.

Очень красивой она была. Совсем не боялась. Кочевник восхищенно вздохнул. Засмотрелся на нее, загляделся, глаз не мог от нее отвести.

– Ах, ты... – ошалело пролаял Бербезиль и потянул из ножен широкий длинный нож.

Кочевник опомнился, поднырнул под лезвие, ударил рябого в правый бок, и снизу – в подбородок. Бербезиль, хоть и был изрядно тяжелее, закинулся назад и рухнул, как трухлявое дерево. Кочевник уложил еще двоих, почти брезгливо – что за мешки с навозом! – и резко обернулся, услышав позади тонкий, словно птичий, полный отчаяния, вскрик.

Лунная дева, поднявшись на цыпочки, удерживала за кадык последнего оставшегося на ногах.

– Дзэттай ни... юрррррусссссанай! – рычала, шипела она, и глаза ее во тьме сверкали как у дикого зверя.

Один рукав чудесного ее одеяния, скомканный, валялся на земле. Видно, тот бедолага, промахнувшись, отсек его в драке ножом.

– Не надо, – тихо сказал Кочевник. Слов он не понимал. Но и так все было ясно, – Пусть бежит.

Удивленно взглянула на него лунная дева, но ослабила хватку и тонкие белые пальцы разжались. Незадачливый говорез, кашляя и отплевываясь, бросился бежать.

Дева встала перед Кочевником. Маленькая – даже по сравнению с ним. Очень маленькая она была и очень красивая! Спросила:

– Цел?

Кочевник неловко поклонился:

– В этом не было нужды, дивная госпожа моя, – невесть зачем подражая учтивому Трактирщику, сказал он. – Но спасибо. Я цел.

В сиянии ее глаз можно табун охранять, в сиянии глаз ее можно узор вышивать, – так он подумал и лишь мгновение спустя сообразил – это просто луна показалась снова меж облаками.

– Могу я спросить, дивная госпожа моя, – с затаенной надеждой проговорил Кочевник, – умеешь ли ты обращаться в бобра?

– В бобра?! – голос у нее был высокий, чистый, как звон серебряных колокольчиков, как песня стального клинка. Она прикрыла лицо уцелевшим рукавом, сдерживая смех. – Да почему же, скажи на милость, в бобра? Чем тебя привлекают грубые эти создания?

Кочевник покраснел, отвел глаза от девицы, не зная, куда

девать себя со стыда.

Конечно, она не умеет обращаться в бобра. Да и зачем бы такой красавице это делать? Ладно бы еще в журавля или в лебедь, что дивной, чистой белизной своей поражает взоры. Но в бобра?!

Нечего было и спрашивать.

Однако на мгновение Кочевнику показалось, что сердце его дрогнуло, как тонкая веточка в руках лозоходца, безошибочно указывая на эту девицу, как на суженую ему.

Прежде никогда подобного не случилось, а ведь он (пусть и не своею волею) объездил весь свет, жен и девиц повидал без числа и всегда был уверен, что ему подойдет любая, лишь бы веселая да работающая.

Но ни разу еще сердце его не рвалось так, не билось, будто заяц в силке. Он, пожалуй, ни разу доселе и не думал о своем сердце. И не вспоминал даже, что сердце есть у него.

Кочевник потупился и натолкнулся взглядом на отрезанный рукав алого шелка, чуть поблескивавший в лунном свете, как сброшенная змеиная кожа.

Поднял, отряхнул, бережно расправил в руках. Шелк холодил, нежил пальцы. Не ко времени вспомнил Кочевник того хитрого охотника, что прибрал лебяжью одежду, и зачем-то быстро сунул рукав за пазуху.

Сам не свой от смущения, он завертел головой в поисках Хан-Гароди. С ней было все же как-то спокойнее.

– Здесь я, – окликнула его Птица. Она сидела, нахохлив-

шись, на полуразрушенной каменной оградке, окружавшей бумажный дом, и смотрела на Кочевника странным, слишком пристальным и даже где-то сердитым взором, будто хотела проглядеть его насквозь.

«Вот опять сейчас заведет про манеры, – подумал он с тоскою. – А то и отчитает еще, что девушку в драку втянул...»

Но Птица, вытянув шею, встряхнулась и сказала задумчиво:

– Вот дались тебе эти бобры, в самом деле. Лисы, знаешь, куда милее бобров.

– Лисы?

Птица кивнула

– Лисы красивы, и еще вдобавок умны. Кто-то скажет, что даже слишком умны. До того умны, что любого человека могут выставить дураком – и еще рады бывают так сделать. Но, знаешь, по мне, так лучше уж умная лиса, чем какой-то тупой бобер. Кроме того, лисы рассудительны, образованы и умеют слагать стихи. Уважают обычаи и порядки людей и – только подумай! – чтят свадебные обряды. Отвечают добром на добро. Правда, на врагов насылают напасти и охотно пакостят оным. Лисы так же...

– Лисы?!

– Да, лисы, – удивленно откликнулась Птица. – Ты имеешь что-то против лис? Я хочу сказать... То есть, кому вообще могут не понравиться лисы, если они так пригожи, милы? Разве что совершенному дуралею? Или слабоумному? Как

считаешь?

– Лисы?!?! Да к чему же ты приплела сейчас лис? – рявкнул вконец ошалевший Кочевник. – Что за болтушка!

– А. Ну, сам посмотри, – молвила Птица, кивнув ему за спину, где стояла та дивная девица.

Кочевник (чуть смущаясь еще) обернулся – и едва поверил глазам.

Прекрасная лунная дева, без тени страха одолевшая шестерых головорезов, едва увидав Хан-Гароди, испуганно вскрикнула, отступила назад – и вдруг исчезла, изникла, истаяла в воздухе, и под бледным светом луны маленькая белая лисичка, прижав уши, со всех ног кинулась наутек. Она была едва ли больше кошки.

Очень маленькая она была.

Птица, мазнув мягким крылом по щеке Кочевника, бросилась в погоню и легко эту лису изловила.

– Вот о чем я тебе говорила, – сказала она, подлетев к нему и разжимая когти. – И теперь можешь сам убедиться: лисы эти куда милее бобров.

Кочевник только вздохнул, засмотрелся на лисичку, загляделся, глаз не мог от нее отвести.

Очень маленькая она была и очень красивая – такая красивая, словно ему это снилось.

Красивая лисичка, пока он глупо таращился на нее, ощерившись, извернулась, больно тяпнула Кочевника за палец и рванулась из рук.

В тот же миг синяя вспышка пронзила ночь, заплясали, взвихрились кругом голубые холодные огни, словно лепестки призрачных цветов или упавшие звезды, и пред ними снова возникла дивная дева. Теперь, несмотря на свой малый рост, она выглядела грозно, неистово, как сияющий во тьме хладный клинок.

– Вы пришли убить меня? – спросила дева, свирепо нахмурив милые круглые бровки.

– Нет! Нет, – замотал головою Кочевник. – У нее, уж прости, – он ткнул большим пальцем в сторону сидевшей на ограде Птицы, – просто такая привычка – все хватать. Да и зачем бы нам убивать тебя, дивная госпожа Лиса?

– Я благочестивая лиса, но я – лиса, – с вызовом отвечала Лиса (а это была лиса, одна из тех злых восточных духов, что редко помогают людям, все больше бывает от них зла и несчастий). – Много лет я бесчинствовала в краю Пяти Озер, похищая путников и дурача, наводя морок на простодушных и наголо обривая им головы, разбойничая и озорничая. Может быть, ты привел сюда свою кондзито, чтобы воздать мне за мои прежние злодеяния?

– Нет, точно – нет, – быстро сказала Птица. – Тут дело совершенно в другом. Он, полагаю, хочет на тебе жениться. Кочевник, не раздумывая, кивнул.

– Жениться? Да с чего бы мне выходить за первого встречного? – удивилась Лиса, несколько растеряв свой грозный вид.

– А разве не все так делают? – в свою очередь, удивилась Птица.

– В сказках – возможно, – сказала Лиса. – Но в жизни для начала неплохо бы и влюбиться. А чтобы влюбиться, все-таки и видеться нужно, и поговорить хоть немножко. Кто же выходит замуж вот так, с бухты-барухты?

– Правда? – огорченно спросила Птица. – Так-то жизнь я не очень хорошо и знаю. Все больше песни, улигеры. А там все куда как просто.

– Ну, да, – молвила Лиса злым, насмешливым голосом. – Белая лисица спасает самурая, явившись ему в облике юной красавицы и тот незамедлительно берет ее замуж. У них рождается мальчик, одаренный многими талантами – непременно он становится великим воином, а то и, глядишь, оммедзи. Затем лисица волею злой судьбы покидает своего возлюбленного, заливаясь слезами, и оставляя его в тоске с разбитым сердцем, потому что демон и человек никак не могут долго оставаться вместе – эти сказки ты слышала, маленькая госпожа? – она тряхнула головой, поморщилась. – Что за жалкая участь! А у меня, знаешь ли, так и вовсе нет времени на подобные глупости. Я решила посвятить свою жизнь изучению будо.

– Будо? – оживился Кочевник. – Я вроде слышал о будо. Это некий свод воинских правил, да? Ты хорошо дерешься, дивная госпожа Лиса. Очень хорошо!

Повисло неловкое молчание.

– Это виноград, – тихо сказала Птица, которая, вследствие чудесной своей природы, знала все и обо всем. – Будто – это виноград.

– Ты изучаешь... виноград? – изумился Кочевник. – Виноград?!

– Он вкусный, – сердито отрезала Лиса.

Кочевник молчал. Он опять засмотрелся, загляделся на красивую Лису, да так, что уже почти позабыл, о чем она говорила.

Очень красивая она была! Краше города Джидды, краше сестрицы Башалай. А может, и краше всего, что он на свете видел.

– Виноградарство – это очень интересно, – учтиво сказала Птица. – Не окажешь ли нам честь и милость, сестрица Лиса, поведав и о том, что привело тебя к этому делу?

Лисица, прищурившись, смерила Птицу – а заодно и Кочевника – надменным взором.

По всему, так была она нрава строптивного, крутого. Опасного нрава, что и говорить. Но все-таки, видно, была эта Лиса из тех злых духов, от которых, когда и не ждешь, увидишь хоть немного добра.

Поразмыслив, красивая Лиса поклонилась Птице с отменной учтивостью:

– Твоя учтивость делает тебе честь, маленькая госпожа. Я охотно расскажу, если хочешь послушать, – и несколько извиняющимся тоном добавила: – Не сочтите меня невежли-

вой, я бы пригласила вас в дом, как и полагается в таких случаях, но, к сожалению, бумажный этот дом лишь иллюзия. Искренне прошу меня извинить.

– Иллюзия? – Кочевник вопросительно посмотрел на Птицу.

– Наваждение. Морок, – негромко пояснила она. – На самом деле, дома-то и нет. Ни бумажного, никакого. Здесь лишь четыре иглы, воткнутые в перстень, а на них коробка из-под румян. Только цветы настоящие, да эта старая каменная ограда. Лисы, скажу я тебе, большие мастерицы плести иллюзии. Сила их останавливает время, превращает вещи в людей, а людей в вещи, навеивает вещие сны и обманные грезы, делает видимое невидимым и создает видимость того, чего и быть не может. Сами же они могут летать, как птицы над землей, обращаясь по своему желанию в огонь, воду, лису, льва, змею, предстать драконом или огромным деревом по одному своему капризу, обращаться туманом и мглой, принося беды людям.

– Так ты, дивная госпожа Лиса, все-таки можешь превратиться и в бобра? – воспрянул духом Кочевник

– Конечно, могу. Но зачем бы я стала это делать? – раздраженно ответила Лиса.

Спорить с женщинами – пустое занятие. Что решетом воду носить. Кому бы, как и не ему это знать – у него, в конце концов, было пять сестер. Кочевник кивнул и примолк, но, исполнившись глупых надежд, возрадовался сердцем.

– А живу-то я в пещере, у моря, – Лиса обращала учтивые речи исключительно к Птице, а Кочевник, похоже, больше гневил, раздражал ее. – Не думаю, чтобы вам понравилось такое место.

– Да нам и здесь неплохо, – учтиво сказала Птица. – Не стоит тебе о таких пустяках беспокоиться, сестрица Лиса.

Лиса пожала плечами, подошла к ограде, и, подпрыгнув, уселась рядом с Птицей.

Кочевник же сел на землю – так он мог смотреть прямо на красивую Лису, любоваться ею в свое удовольствие.

Кажется, разговор обещал быть долгим.

– Что ж, как я и сказала, – сказала красивая Лиса, – прежде я была дикой лисой, решительной, ни с кем не считавшейся, жестокой, самовольной, самой себе радующейся. Я дурачила людей и губила, вступая в поединки с самыми храбрыми из них, а еще с магическими тварями, если забредали таковые в мои владения. И вот однажды на вершине высокой скалы увидела я огромное гнездо, выстланное золотым пером, серебряным пухом. И в гнезде этом сидел птенец кондзито, совсем еще маленький, вот как ты, маленькая госпожа, – и Лиса с достоинством поклонилась Птице. – Птенец то смеялся, то пел, то плакал. Был он совсем еще мал и я пожалела губить его. Решила выманить и украсть для начала, а после уж придумать, что с ним делать.

– Что это ты делаешь? – спросила я этого птенца.

Он утер крылом слезы и ответил:

– Моя мать, волшебная птица карура, каждый день улетает в далекую страну поохотиться на золотых змей, а я сижу тут один, совсем один, поджидая ее, и от этого очень скучаю.

Тогда я, преисполнившись коварства, села под той скалой и промолвила ласковым, лживым голосом:

– Спускайся ко мне, милый птенчик, давай поиграем. Я помогу тебе развеять скуку!

– Благодарю, добрая госпожа Лиса, но это невозможно, – с сожалением ответил птенец. – Моя матушка строго наказала мне: когда придет лиса – из гнезда не высовываться, ни за что к ней не спускаться. А ведь ты лиса, добрая госпожа Лиса?

Скрипнув зубами с досады, я, однако же, с притворным равнодушием ответила:

– Ну, как хочешь. Тогда я одна поиграю здесь в интересную игру!

И, вынув из кармана несколько разноцветных камешков, разложила их перед собой на большом плоском камне, затеяв поиграть в джарт. Игра в джарт – как гадание или зеркало души. Душа моя тогда была темна, мне и самой интересно было заглянуть в нее. Посмотреть, как прихотливо, затейливо сплетаются нити судьбы и путы желаний, куда ведут, поблескивая во тьме, как паутина в лунном свете. Признаться, я немного увлеклась, и позабыла про этого птенца.

Птенец же, изнемогая от любопытства, высунул голову из гнезда, попросил его поучить игре в джарт.

«Попался!» – подумала я, ему же лицемерно сказала:

– Игра в джарт – искусство, которое требует твоего собственного проникновения: как я могу быть тебе полезной? Вот спускайся и смотри, понемногу заимствуй у меня – может, так и добьешься исключительного умения.

Не выдержал птенец, выпрыгнул из гнезда и упал прямо мне в руки, а я его крепко схватила и понесла в свою нору, за темные леса, за быстрые реки, за высокие горы.

Тут-то малыш понял, что его одурачили, и стал говорить жалобные стихи:

*– Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Ах, матушка моя, могучая птица карура,
Спаси меня скорей!..*

Долго ли, коротко ли я бежала, но вдруг потемнело ясное небо и закружила надо мной могучая птица карура, из тех, что называют еще кондзито. Такая же, как ты, маленькая госпожа, – Лиса с достоинством поклонилась Птице. – Но очень, очень большая. Я знала, что мне не победить ее в схватке, но, как говорил мой учитель, основой принцип боевых искусств состоит в том, чтобы нападать, не думая о жизни и смерти. Победа и поражение часто зависят от мимолетных обстоятельств, но, в любом случае, избежать позора нетрудно – для этого достаточно умереть. Пустив птен-

да на землю, чтобы мог он получше укрыться от ярости битвы, я приготовилась сразиться с кондзито. Птица бросилась на меня с вышины, а я вцепилась ей в глотку. Полетели тут клочки по закоулочкам, золотые перья да серебряный пух! Забегали по небу белые молнии, и поднялся ветер, большой и дивный, и полный чудесного жара, и листья пожухли на деревьях, а ручки покраснели от крови. Я сражалась отчаянно, но, как и следовало ожидать, карура одолела меня и кинула с самого неба на острые камни. Исполнившись решимости принять тяжкую, долгую смерть, я лежала на тех камнях, истекая кровью и смотрела в высокое синее небо, вечное небо.

Но смерть все не шла за мной.

Зато ближе к вечеру нашел меня на тех камнях один монах из горного храма, собиравший на склонах лечебные травы. Он отнес меня в храм, за которым присматривал, и день за днем, ночь за ночью заботливо выхаживал. Когда же я поправилась, сказал:

– Бедняжка ты, бедняжка. Не знаю, на какой горе ты живешь, лисонька, и от кого хлебнула горя, но беги домой и впредь будь осторожнее. Что и говорить, подлинный самурай бесстрашно бросается навстречу неизбежной смерти, но ты-то всего лишь маленькая, милая лисичка. Не надо так. Побереги себя, прошу.

И с тем отпустил меня в лесные заросли.

На другой же день я ограбила двух богатых путников на горной дороге, и явилась монаху в облике прелестной знат-

ной дамы, что, по обыкновению, щедро одаривают такие храмы, а награбленное принесла в подарок.

Но тот монах сразу меня раскусил.

– Хо-хо, так ты давешняя лисичка? – сказал он, смеясь. – Послушай, милая моя, я спас тебя не ради благодарности. Просто пожалел. Мне ничего не надо. Не стоит больше разбойничать, лишь бы одарить меня. Поняла?

Я, проливая слезы, подошла к нему поближе:

– Дедушка, дедушка, ведь ты спас мне жизнь! Не гони меня, позволь с тобой остаться, так или эдак, а я тебе пригожусь!

– Что тут поделать? Оставайся, если хочешь, – развел руками монах. – Будешь помогать мне в саду. А то ведь ты, вижу, бедовая лиса, лихая. И немало можешь накуролесить, ежели не будешь занята чем полезным.

Так я осталась служить тому монаху в благодарность за мое спасение.

Он и склонил меня со временем к благочестивой жизни и постижению наук. Я изучила все тонкости Трех историй и Пяти книг, и многие еще другие вещи. Надо сказать, что лисы, – Лиса строго посмотрела на Кочевника, – весьма способны к наукам. Как говорил мой учитель: всю свою жизнь прилежно учись. Каждый день становись искуснее, чем за день до этого, а на следующий день – искуснее, чем сегодня. Совершенствование не имеет конца.

Кочевник кивнул. Как ни крути, а мысль неглупая.

– Прежде учитель был великим воином, ратоборцем, и беседы с ним не только направили мое сердце к благочестию, а ум к наукам, но и укрепили мой дух, – вздохнула Лиса. – Но, как видно, воля моя оставалась слабой. Когда пришла ему пора покинуть этот мир – а век человека так короток! – я не нашла сил достойно смириться с утратой. День за днем я лила горькие слезы, ночь за ночью, пока совсем не ослабела от горя. Как говорится:

*Если нам не дано
сплестись воедино,
как нитям в ожерелье любви, —
чем же мне удержат в разлуке
жемчуга души безутешной?..¹*

Закончив говорить эти стихи, красивая Лиса, сидя на заборе и болтая ногами, печально сказала:

– Тут, конечно, речь немного о другом, но разлука – всегда разлука, а любовь – всегда любовь. Я же крепко любила своего учителя. Рассудив, что сердце мое не успокоится там, где каждый камень, каждая травинка напоминает о нем, я поручила другим диким лисам, что служили мне ради моей силы и прелести, присматривать за садами при храме, а сама отправилась странствовать – сперва в Китай, а оттуда в Индию, затем в Персию и Сирию. Достигнув же египетского

¹ Антология японской поэзии Кокинвакасю, I век н. э. Пер. А. А. Долин (здесь и далее прим. редактора).

порта Александрия, я пробралась на корабль, который и доставил меня в порт Южных Врат. Надо сказать, что в странствиях своих я не забывала заветов дорогого учителя, беседовала с учеными мужами, постигшими суть вещей, записывала стихи, слагала песни. Изучала свойства камней и деревьев, пути звезд и многие еще другие вещи. Нигде я особенно не задерживалась, и здесь, если честно, не собиралась. Но как-то гуляя по городу, купила у маленькой распутной зеленщицы, торговавшей вразнос и фруктами, гроздь белого винограда. Ах, что это был за виноград! – Лиса зажмурилась от восторга. – Прозрачный как янтарь, крупный как жемчуг, сладкий как мед, сочный, вкусный, нежный, душистый! – теперь Лиса грустно вздохнула. – Тут дело вот в чем: мой учитель и сам немало странствовал и уже в монахах привез как-то из Даляня драгоценные виноградные черенки. Будучи человеком многих достоинств, в числе которых я назвала бы упорство и доброту, он их с нежностью вырастил. Ах, сколько сил потратил он, возделывая малый виноградник на горном склоне! Сколько было с тем виноградом хлопот! В уходе виноградные лозы очень капризны, непросто защитить их от сырости, спасти от плесени. Но учитель никогда не сдавался. Неудивительно, что спустя некоторое время виноград его прославился по всему острову! Однако он и в сравнение не шел со здешним виноградом. Ягоды, правду говоря, были маленькие, водянистые, кисловатые. Отведав же здесь превосходные сорта, я и подумала: вот что мне следует сделать

– сперва прилежно изучить в этих краях все, что касается виноградарства, а после вернуться в покинутый мною храм, захватив с собою и семена, и черенки, и отводки, и посвятить остаток жизни возвращению винограда и разведению новых сортов ягоды этой в память о моем учителе. Как видишь, маленькая госпожа, – Лиса скупно улыбнулась Птице, – Намерения мои тверды и непреложны, и весьма далеки от замужества.

– Лисы очень преданны, это всем известно, – важно кивнула Птица, а Кочевник так и сидел, словно замороженный, уставившись на красавицу Лису. – Но ведь край Пяти Озер очень, очень далеко! Мы могли бы помочь тебе здесь с твоим виноградом, если позволишь, а после сопроводить домой, сестрица Лиса. Нам, знаешь ли, это по пути.

Она со значением покосилась на Кочевника.

У него же голова шла кругом.

Судьба. Шаманы. Пророчества. Бобры и монахи. Лисы и виноград. Пути. Путы и нити.

Все так запуталось!

Он твердо решил жениться на этой красивой, строптивой лисе, а что за пути привели его к ней – судьба ли? череда несуразных событий? наугад выбранное направление? счастливый случай? – до этого Кочевнику нынче и дела-то не было.

Однако, похоже, что и лисе этой дела не было ни до судьбы, ни до путей, ни до нитей. Ни – что гораздо хуже – и до

него самого.

Глядит свысока. Глаза холодные, злые. Зеленые как виноград.

И что ему делать?

Уж очень понравилась ему эта лиса.

Но, если добром не идет за него, что ему делать?

Увезти ее силой?

В его-то краях невест умыкали нередко, что считалось молодечеством, а то и доблестью, достойной похвал.

Жена хорошая, известно, дороже клада.

Коли мудра, всегда дельный совет даст, направит. Коли добра – ободрит да приласкает, с такой и горе не беда. Коли красива – так на нее сердце радуется (а для хорошей жизни и этого бывает довольно). А без жены что за жизнь? Маета пустая. Нет, плохо человеку одному быть, без жены. Вот и добывали себе жен молодцы, бывало, увозом, кто по разбойному нраву, кто по бедности, а кто по бедовой удали одной – да мало ли?

Только стоило вспомнить, как кричала, плакала сестрица Башалай, когда тот разбойник-меркит увозил ее, на душе становилось тошно, муторно.

Кочевник вздохнул. По давней, рабской еще, привычке, глянул на небо.

У человека все можно отнять. Дом, жизнь, гордость, волю – все. Но небо никто ни у кого отобрать не может. Небо на всех одно, хоть для свободных, хоть для рабов. Даже если не

в силах поднять головы и увидеть, даже если ослеп, замучен в плену, заточен – все равно знаешь, небо никуда не делось. Оно там, над тобой. С тобой. Всегда.

Хухэ Мунхэ Тэнгэри.

Ночь шла на убыль.

Небо опять стало хмурое. Только изредка вдруг блеснет звезда.

«Свобода – она в душе, да? – про себя хмыкнул Кочевник. – Такое могла сказать лишь чудесная птица, что явилась миру из пламени в привольной степи под ночным бесконечным небом. Птица, которую никогда не держали в клетке».

Нет, не станет он силой брать за себя эту лису. Неволья-то – доля горькая, ему ли не знать.

Но что ему делать, коли эта лиса его не хочет, а он не хочет ее приневоливать?

Что же делать?

Поклониться ей да и уйти восвояси – искать железную дверь в небе, а за нею небесную реку, по берегам которой растут диковинные деревья со стволами красного золота, ветвями белого серебра, а под сенью тех ветвей – девушку, прекрасную, сильную, стройную, высоко подпоясанную, дочь воды и ветра, ту, что захочет испытать его, обернется бобром, и...

Только вот не было мочи расстаться с этой красивой, строптивой лисой. Будто крепкая нить протянулась от сердца к сердцу, привязала его к лисе этой навсегда. Разорвется

нить – разорвется и сердце.

Нить – это любовь. Тут Кочевник не сомневался, хотя прежде никогда о любви не думал, знал о ней лишь понаслышке. О любви пели в песнях, говорили в стихах. Для жизни это было необязательно.

Оказалось же, что любовь как боль или испуг. Слова пусты, пока не почувствуешь. А как почувствуешь – сразу поймешь, сколько правды, острой, пронзающей словно холодный клинок, было в словах.

Но боль проходит, страх отступает. А от любви – так пелось в песнях – никуда не денешься. Она навсегда.

Как синее небо, вечное небо.

И что ему делать?

Кочевник все смотрел на небо, будто чая найти там ответ. Но небо не дает ответов. Оно человеку не для этого.

От рукава красного шелка, который запрятал он мимоходом тогда, после драки, за пазуху, исходил чарующий аромат мускуса и орхидей, пропитавший уже чуть не насквозь его грубый дэгэл, и казалось от этого словно его, утешая, обнимали, нежно гладили ласковые руки.

Он снова вздохнул – вот уж не похоже, чтобы эта лиса была нежной, ласковой. Красивая, что и говорить. Но нрава строптивного, крутого. А уж боевита – не всякому и батору в поединке с ней выстоять. Рука тяжелая, от такой скорей смерти, чем объятий дождешься. Но не успел он еще докручиниться об недостижимых объятьях этой лисы, как его осе-

нило.

Испытание.

Девушка – бобер она там или лиса – захочет испытать его. Так говорилось в пророчестве.

Но и в простой, обычной жизни, без всяких чудес, красивые девушки (да если еще из богатого рода), к которым много кто сватался, так поступали нередко.

Устраивали женихам испытания, отсылая добыть шкуру редкого, опасного зверя, какую диковину в дальних краях, угнать табун пестрых коней, бархатисто-черных коней или солово-золотых. А то загадывали мудреные загадки с подвохом. Считалось, что это повод для молодца явить смекалку и удаль, покрасоваться перед людьми.

И невестой.

Но, если по правде, так это, скорее, был повод отделаться от докучных, немилых женихов. Какая же девушка пошлет куда подальше пригожего парня, что ей по душе, или станет морочить его загадками? Нет таких. Уж Кочевнику ли не знать. У него, в конце-то концов, было пять сестер.

Подумав об этом он немного приуныл, пригорюнился.

Немилый жених, да? Теперь это он самый и есть?

Однако и кое-что хорошее в испытаниях было. Если уж молодец, проявив упорство, выполнял все капризы девушки, так и ей некуда было деваться. Приходилось слово держать, замуж идти.

Подумав об этом, Кочевник немного приободрился.

Чего-чего, а упорства ему не занимать.

Да, он не чета разбойнику-меркиту. Не станет силком за себя брать ту, что понравилась.

Ну, так и эта лиса – не сестрица Башалай.

Хороший боец. Бесстрашная. Сильная. Когда бы попался ей тот разбойник-меркит, неизвестно еще, кто кричал бы, плакал, слезы лил, о пощаде молил.

Не сказать, чтобы Кочевник сам-то был жених завидный, красив там или умен, но вот в драке хорош – этого не отнимешь. Ловкий. Бесстрашный, сильный. Молодой, но бывалый. Искусен равно и в честном, и в подлом бою, в рукопашной и с оружием всякого рода. Если он покажет себя этой Лисе в поединке, может, тогда... тогда он ей хоть немного понравится?

Испытание, да. Это хорошая мысль.

Медлить нечего.

И Кочевник, собравшись с духом, прижимая крепче к груди запрятанный лоскут красного шелка, сказал красивой лисе:

– Ты хороший боец, дивная госпожа Лиса. Бесстрашная. Сильная. Так выходи против меня на бой. Хочу силой помериться. Глядишь, одолею.

– Э?! Хочешь подраться? – удивилась красивая Лиса. – Ну и ну! А ведь по виду не скажешь, что нрав у тебя переменчивый как осеннее небо! То замуж, говорит, выходи, то на бой! Да, с тобой, право, не заскучаешь!

И рассмеялась.

Кочевник не знал, что и думать, только крепче прижимал к груди тот лоскут красного шелка. Беспokoился. Вдруг красавица-лисица посмеется над ним попусту, да и откажет?

Но лиса, насмеявшись, сказала, прищурив глаза (узкие, длинные, с чуть приподнятыми к вискам уголками, они были необыкновенно красивы):

– Знаешь, кто я, а все же отважился вызвать меня на поединок? Ты смелый или глупый? Никак не пойму. Впрочем, мне до этого и дела нет. Но, если решил сражаться со мной, пощады не жди. Будем драться до смерти. Только – чур! – один на один. Пусть уж твоя маленькая госпожа в это дело не вмешивается, – и учтиво поклонилась Птице

Чудесная Птица, однако, в этот раз учтивости не оценила. Вознегодовала, встревожилась.

– Нет-нет-нет! – закричала. – Что еще за опасная, злая затея! Так не пойдет! Это... это неправильно! Вы должны были пожениться, а не поубивать друг друга!

– Не до смерти, – успокоил ее Кочевник, и повернувшись к лисе, повторил: – Нет, не до смерти. Коли одолею, так выйдешь за меня, дивная госпожа Лиса. Что скажешь? Согласна?

Лиса, вздернув маленькую, круглую бровь, ядовито спросила:

– Это где ж так сватаются?

– Там не растет виноград, – помявшись, буркнул Кочевник, а засим стал, как мог, растолковывать. – Испытание. Вот

в чем дело. Так в пророчестве сказано: девушка, мол, захочет испытать тебя. Ну, дальше там про бобра и небесную реку, но если недосуг тебе нынче в бобра превращаться, дивная госпожа Лиса, то и не надо. Просто испытай меня в бою.

Лиса закатила красивые, злые глаза:

– Вот опять он со своими бобрами! И что еще за пророчество? – и снова взглянув на Кочевника, с едва заметным разочарованием в голосе, молвила: – Ну, ладно. Мне до этого и дела нет. Но раз бьемся не до смерти, а на интерес, тогда так: коли я тебя одолею, ты уж, сделай милость, отвяжись от меня и с женьтибкой больше не досаждай, равно как с бобрами, пророчествами и всем прочим. Что скажешь? Согласен?

Кочевник упрямо, хмуро качнул головой:

– Не обессудь. Попытаю удачи еще раз. Очень ты мне понравилась.

– А! Раз так, то и ты уж не обессудь, – отвечала Лиса. – Хотела пожалеть тебя ради твоей маленькой госпожи, а вот не стану. Буду биться с тобой в полную силу, разорву на мелкие клочки, размечу по берегу широкому, заброшу в море глубокое, пусть их рыбы растащат, да птицы расклюют, чтоб и следа от тебя, надоеда, не осталось, ни волоска, ни мелкой косточки – тут тебе и смерть. Ну, или проваливай с глаз моих долой подобру-поздорову. Чести мало, но хоть цел останешься.

– Нет. Смахнемся, – буркнул Кочевник, не в силах отвести глаз от красивой лисы.

Она медленно улыбнулась – холодной, торжествующей, злой улыбкой – все же была эта лиса одной из тех злых восточных тенгринов, от которых, хоть и бывает людям немного добра, но все больше бед и несчастий, что тут поделаться? у каждого свои недостатки – и прыгнула с ограды.

Глухо стукнули оземь деревянные подошвы. Девять серебряных шпилек в черных как ночь волосах блеснули холодным всполохом лунного света. Зеленые злые глаза загорелись как звезды.

Стояла крепко, глядела уверенно, хороший боец, что и говорить.

Сердце надрывалось от ее красоты.

«Как же я так сильно полюбил эту лису, – про себя удивился Кочевник. – Ну, чудеса!»

– Что ж, тогда будь по-твоему, – сказала тем временем красивая лиса. – Выйду против тебя, икокудзин-сан, чуженин.

Птица так отчаянно захлопала крыльями, что Кочевнику неволей пришлось отвести взгляд от красивой лисы.

– Нет-нет-нет! – вскричала она. – Пожалуйста, остановитесь! Да вы никак спятили оба! Каждый из вас прошел чуть не полмира, претерпев столько бед и невзгод, сколько иным мудрецам и не снилось. Так неужели судьба вела вас в этот город у моря – столь запутанным, длинным путем – для того лишь, чтобы встретить вам здесь свою смерть?

– Путь воина обретается в смерти, – спокойно отвечала на

это Лиса. – Смерть неизбежна. Приходит, когда вздумается, берет, кого захочет. Так не все ли равно, где и когда с нею встретишься?

– Но послушай, сестрица Лиса, – жалобно молвила Птица. – У него, – тут она махнула крылом на Кочевника, – просто привычка такая – чуть что, за нож хвататься, в драку лезть. Но ты-то лиса ученая, благочестивая. Зачем бы тебе убивать людей просто так, для забавы? Откажись от поединка, сделай милость! Откажись?

– Есть намерения и деяния, пресечь которые может лишь смерть. Поправь меня, если я ошибаюсь, маленькая госпожа, но сдастся мне, человек твой упрям как пень или камень. Не сдвинуть. Ну, пощажу его – так ведь он станет преследовать меня, пока не добьется, чего хочет – или той же смерти. И что толку медлить, если все равно тем дело кончится? Сколько, думаешь, у меня терпения? И людям-то бывает непросто явить сию жалкую добродетель, а я демон, екай. Могущественный дух. Нетерпелива и горда. Как мне совладать с собою – да и зачем?

Слова лисы звучали разумно и справедливо, только Птица и сама была чудесным созданием, кто бы мог ее провести? Взглянув с упреком на красивую Лису, она сказала:

– Просто хочешь подраться, а?

– Твоя правда, маленькая госпожа! – без всякого смущения созналась Лиса, рассмеявшись. – Говорят, у нас, лис, нрав буйный, беспокойный и полный обмана. Но в память

о своем учителе я не даю себе воли: веду жизнь благочестивую, не разбойничаю, никого не дурачу, не причиняю бед и несчастий, поединков ради забавы не затеваю. Веришь ли, скучно бывает – сил нет. И как же мне теперь упустить такой счастливый случай, когда твой товарищ сам на драку напрашивается? Ведь напрашиваешься? – поворотилась она к Кочевнику.

– Да, – без колебаний отвечал ей Кочевник.

Лиса улыбнулась, и в груди его будто узел какой вдруг развязался, стало легко, хорошо. Значит, все он правильно сделал.

– Знаешь, на рассвете берег моря делается непереносимо прекрасен, – сказала Лиса и впервые, пожалуй, посмотрела на него без досады. – Подобной красоты не передать словами, и кисть бессильна запечатлеть ее, и память не может вполне удержать. Если бы мне предложили выбрать место для смерти, я захотела бы увидеть рассвет на морском берегу. Давай там будем биться?

Кочевник просто кивнул.

Он-то думал, что стоило бы выбирать место для жизни, а для смерти любое сойдет. Но девушки часто бывают капризны, слишком разборчивы и много беспокоятся о пустяках. Взять хоть его сестер. Или ту же Птицу. Да и пусть их, ему что ли жалко?

Птица сидела на ограде, взъерошенная и тревожная. Когда Кочевник подошел, чтобы взять ее на предплечье, отча-

янно зашептала, вытянув шею:

– Ах, какой ты! Зачем, ну зачем сразу драться полез?! Кто так делает? Надо было по-другому! Ведь она говорила о любви!

– Кто? – удивился Кочевник.

– Да лиса же, дурень! – прошипела ему в ухо Птица. – Для начала неплохо бы и влюбиться. А, чтобы влюбиться, все-таки и видеться нужно, и поговорить хоть немножко – вот как она говорила! Так мы бы и остались пожить в этом городе у моря, чтобы тебе с лисой этой познакомиться, а потом...

– О! – только и ответил Кочевник. А и так, наверное, можно было! Стоило бы ему слушать эту лису внимательней, а не только глазеть на нее. Но теперь уж ничего не поделаешь. Сказанного слова-то не проглотишь, и поединку быть. Так он Птице и сказал:

– Теперь уж ничего не поделаешь. Забирайся, пойдем, – и подставил ей руку.

Но Птица все не унималась.

– Не ходи, отступись, откажись! Ведь это лиса! Демон! Могущественный дух! Ты всей ее силы не знаешь! Нет человека, который против нее может выстоять. Тебе ее не одолеть! – и, чуть не всхлипнув, добавила: – Пропадешь ты! Погубит она тебя, ох, погубит!

– Раньше смерти не хорони, – Кочевник легонько шелкнул Птицу по клюву. – Если эта лиса моя суженая, так, глядишь, и одолею?

Птица исподлобья, взглянула на него и тихо, устало молвила:

– Ас чего же ты взял, что эта лиса – твоя суженая?

– Ну... она ведь может обращаться в бобра? Просто не хочет. А, если захочет, то...

– И дались же тебе эти бобры, в самом деле! – в сердцах воскликнула птица и глаза ее полыхнули гневным золотом, но и тотчас печально угасли. – Нет, прости. Все из-за меня. Я одна виновата. Если б я могла отнести тебя напрямик в Поднебесную страну, не пришлось бы нам бродить по городам и весям, и тогда ты не встретил бы эту лису, а я...

– Да кому нужна эта Поднебесная страна, – сказал ей Кочевник, а про себя подумал, что, и правда, никому не нужна – раз лиса эта здесь.

Птица устремила на него ясный, испытующий взор. Вдруг спросила:

– Скажи... а ты хотел бы, чтобы сыновья твоих сыновей оседлали мир? Сожгли селенья? Разрушили города? Чтобы сытая от крови степная трава взошла там, где был камень – ну, вот это вот все?

Кочевник в ответ только хмыкнул. Кто такого захочет? Он – точно нет. Птице ли не знать? Не первый день знакомы вроде бы.

– Так хочешь или нет? – настойчиво допытывалась Птица. Он нахмурился.

Пророчество старца немного его беспокоило. Но не на-

столько, чтобы он отступился от этой Лисы. Он буркнул в ответ:

– Сначала женюсь. На этой Лисе. О сыновьях сыновей подумаю позже.

– Значит, не хочешь?

Он медленно покачал головой. Нет. Точно нет. Вот ведь привязалась!

– И я не хочу, – вздохнула Птица. – Не хочу видеть воинства, собранные, чтобы сразиться в оный великий день. Жестоких героев. Небо отверстое и пламень огненный. Может, этот мир не так и хорош, но я не хочу приближать его гибель.

Кочевник все никак не мог взять в толк, к чему она клонит.

Не хочет губить этот мир? Это она опять о пророчестве?

– Что? – Птица зло взъерошила перья. – Меня, знаешь, как-то забыли спросить, призывая из пламени, хочу ли я способствовать столь ужасным событиям! – сказала она, но, поразмыслив, печально вздохнула. – Хотя... может, все дело в том, что я слишком маленькая, а потому не способна оценить великие замыслы.

– Не маленькая ты. Нормальная, – привычно буркнул Кочевник.

– Нет, – поникла Птица. – Если бы я могла унести тебя на спине... Если бы мы сразу улетели на небо... А так мы все шли и шли по земле, я смотрела на города и селения, те самые, знаешь, что сожгут и разрушат... И они мне так по-

направились! Я и представить не могла, что здесь так красиво! Пещеры в скалах, где можно укрыться от непогоды. Долины в цвету. Великие и малые воды. Усыпанные звездами ночные небеса, чтобы брести во тьме, не спотыкаясь. Ну, или лететь.

– Лететь, не спотыкаясь? – не удержался от улыбки Кочевник.

– Ой, ладно, – сварливо ответила обычно кроткая Птица. – Не такая уж я и дурочка. Я видела и бедность, болезни, несправедливость. Большое зло и малое зло. Но... как говорят, агай муу – сэрэг. Худшее из времен – война. А куда бы ни вела нас с тобою судьба, мы приведем войну в этот мир. Вот в чем все дело.

– Да люди и сами неплохо с этим справляются, – справедливости ради заметил Кочевник. – Устраивают войны. Без всяких пророчеств.

– Вот и пусть справляются сами, – отрезала Птица. – А я не хочу. Мне не нравятся битвы, град и огонь, смешанные с кровью. Разруха, пожарища, вопли и стоны. Торжествующий трубный глас. Великие замыслы. Подвиги. Мне нравятся простые вещи. Скучные вещи. Понимаешь? Разговоры о пустяках. О том, что приготовить на ужин. И будет ли к вечеру дождь. Малые радости. Тихие дни. Простые, скучные вещи. Что? – она взглянула сердито, точно Кочевник собирался возразить ей (нет, он не собирался). – Вы, люди, вечно мечтаете о чудесных вещах и чудесных событиях. Почему же чудесные, благовещие твари, как я, не могут мечтать о про-

стых и обычных вещах?

Кочевник совсем запутался с этими пророчествами и мечтами благовещих зверей, о чем и уведомил Птицу. Обычно-то они жили душа в душу: Птица любила поговорить, а он любил ее слушать, засыпая сладко и крепко под неумолчный, как ручей, ясный, серебряный голос, но теперь было неподходящее время для болтовни. Он немного спешил.

Скоро рассвет.

– Тут дело вот в чем: сильные чувства могут изменить рисунок судьбы, – отводя виновато золотые глаза, пояснила Птица. – Гнев, обида. Но и любовь тоже годится. А тебе так понравилась эта лиса! Вот я и подумала – если бы вам полюбить друг друга как следует и пожениться, мы могли бы немного пожить здесь, у моря, а затем отправиться с этой лисой на далекие острова, в страну восходящего солнца. И тогда судьба не найдет нас. Никакой войны не будет. Будут тихие дни. Лисенята будут играть в винограднике. Будет простая, скучная жизнь. Но я ошиблась и теперь тебя ждет только смерть. Все из-за меня. Оттого, что я пыталась обмануть судьбу...

Кочевник ласково погладил ее по взъерошенным перьям.

Хотел бы он вытереть ей и безудержно бегущие слезы. Но Хан-Гароди плачут огнем и у Птицы из глаз буквально сыпались искры, медленно гасли на сырой, холодной земле.

– Не плачь. Ну, не плачь, – только и смог сказать ей Кочевник.

Лиса, все это время стоявшая неподалеку, слушала их беседу чрезвычайно внимательно, однако не вмешивалась до поры – видно, учтивости ради (даже когда Птица отзывалась о ней без всякой учтивости). Теперь же сказала:

– Не убивайся ты понапрасну, маленькая госпожа. Если следуешь пророчеству, оно наделяет тебя силой и уверенностью, это верно. Но пророчество не отнимет у тебя свободы выбора, если сам ее не отдашь. Каждый выбирает свой собственный путь. Прямой путь или глухие, окольные тропы – это все дороги судьбы. И ты бы должна знать, что случайных встреч на дорогах судьбы не бывает. У судьбы нет причин без причины сводить посторонних.

– А, так ты тоже об этом знаешь, сестрица Лиса? – шмыгнув клювом, с неожиданной едкостью отозвалась Птица.

Лиса чуть заметно пожала плечами.

– Я демон, екай. Не человек. Какое мне дело до судьбы и пророчеств? Я следую только своим желаниям.

– Но ты же благочестивая лиса, – несколько удивленно заметила птица.

– Потому что мне так хочется, – сказала Лиса. – А ты думаешь, желать можно только чего-то дурного? Намерения, грезы, желания и мечты, темные или светлые – все это нити, из которых судьба сплетает узор, – она, вытянув ногу, стала чертить углом деревянной подошвы в пыли линии, приговаривая: – Видишь? Этот человек хочет на мне жениться. Я хочу убить его. Ты хочешь, чтобы не было войны. Любопыт-

но – не правда ли? – что за рисунок получится, когда нити эти пересекутся, запутаются, соединятся, – Лиса потянулась, вскинула тонкие белые руки. Уцелевший рукав упал до плеча. Сказала Кочевнику: – Не хотелось бы показаться невежливой, икокудзин-сан, но рассвет уже близко. Пойдем, подеремся? Или так и будем тут стоять бесконечно и разговаривать?

Очень красивая она была.

Краше города Джидды, краше сестрицы Башалай. А может, краше всего, что он только видел на свете.

– Не ходи с ней, – зашептала отчаянно Птица. – Не ходи! Не ходи! Тебе ее не одолеть. Эта лиса тебя погубит. Погубит!

Кочевник посмотрел в глубокое черное небо. Только лиса – зверь или демон – могла учуять рассвет.

Рассвет пахнет росой. Будто только что прошел дождь. Он глубоко, всей душою, вздохнул, но едва смог уловить этот сладкий, рассветный дух.

Умирать не хотелось.

Он никогда не боялся смерти – но и не искал ее. О любви не думал. До судьбы ему и дела не было. Сколько он себя помнил – он просто хотел домой. Вернуться домой, жить спокойно, мирно, как в давние-давние времена, прошлые прекрасные времена, когда не было ни богов, ни героев, а было лишь высокое синее небо и бескрайняя степь.

Но теперь, если он даже вернется домой, без этой лисы степь для него будет пустой и тоскливой.

Чужой.

Странно, как жизнь может измениться в мгновение ока, и его любовь, смерть и судьба словно три вздорных старухи, что передрались, перессорились между собой, беспечно побросав свою пряжу, а все нити у них перепутались.

«Лисенята в винограднике, да? – подумал с усмешкой Кочевник. – Это хорошо. А шаман пусть утрется со своими пророчествами».

– Не плачь. Ну, не плачь. Пойдем, – он протянул Птице руку. – Мне надо одолеть эту лису. И забрать ее с собой. Или последовать за ней. Как уж выйдет. А без нее мне так и так не жить. Да не реви ты!

Но Птица снова тихо заплакала.

– Лисы могут принимать любое обличье и проникать куда угодно, – сказала через вздохи и слезы. – Говоря попросту, кем бы ты ни был, лиса всегда может стать тем, кто тебя превзойдет. А ты, ты ведь можешь быть только собой. Потому тебе ее не одолеть. Только мы, ездовые птицы богов и героев, способны противостоять этим демонам. А человека в поединке с лисой спасет только чудо.

– Чудеса случаются, тебе ли не знать, – сказал ей Кочевник.

Но Птицу мало утешили эти слова. Он видел страх в золотых как пламя глазах.

Он не знал, как объяснить, как сказать ей, что бояться не надо. Нельзя.

Что все, к чему только стоит стремиться, за что стоит бороться, лежит по ту сторону страха. Страх – оковы души, ярмо, тяжкий гнет. Страх стирает краски и всю радость жизни.

Если бы он в свое время испугался угроз и побоев, то никогда бы не смог вернуться домой. Не решился бы принять из рук вздорного старца чудесную Птицу, не узнал бы, что такое любовь.

Страх – первый враг, которого любому надо бы одолеть, вот и все.

Но он не знал, как сказать ей. Да что там, столько слов Кочевник и за год бы не произнес, а от мысли, что надо сказать их прямо сейчас и все разом, даже взмок.

Резко рванув ворот дэгэла, чтобы перевести дух, нащупал у сердца тот обрезанный рукав – и сердце взыграло. Обрадовался сильно.

Вот оно! То, что надо.

Он не знал, как сказать ей, но теперь мог ее просто утешить. Обнова – да если еще угодить – успокоит любую девушку лучше тысячи слов! Будь она даже Хан-Гароди, чудесной птицей, рожденная силой огня.

Потянул из-за пазухи лоскут красного шелка, спросил у лисы:

– Можно, я возьму это?

– Ты уже это взял, – насмешливо отвечала лиса.

– Можно, я возьму это... насовсем?

– Ну возьми.

Кочевник кивнул – спасибо, мол – и подошел к Птице, что маялась страхом, тревогой.

Достал из ножен свой серебряный хутага, сложил пополам нежный, переливчатый шелк и прорезал сверху. Бережно натянул на Птицу. Пригладил ей перья.

– Ты вроде хотела попонку? Такая подойдет?

Обрывки красных шелковых нитей трепетали на ветру. Море в лукавом свете зари неустанно катило алые волны к розовым скалам.

Занимался рассвет.

Последнее солнце

Он не знает, – говорит богиня, – что ворота Аида стоят настежь, и что это его последнее солнце.

Еврипид, Ипполит²

1

Солнце поднималось из моря, и первые лучи его словно бы нарочно расцветили гребни волн ру- биновым, кровавым блеском. Корабль вошел в пролив. Упали паруса, с грохотом побежала якорная цепь. Шлюп, отчаливший от правого борта, приближался к берегу, лавируя между лодок и множества других судов, больших и малых.

У пирса и смотровых площадок толпились стайки любопытных. Для жителей портового города уходить в море было делом обычным. Рыбаки, торговцы и матросы – все они, так или иначе, кормились от его щедрот. Но вернуться каждый раз считалось большой удачей, оттого любой прибывший корабль приветствовали с берега, оставив на время все свои заботы, хоть два-три человека. Однако же корабль, на парусе которого красовалась бычья голова с цветком на лбу, ничуть

² Пер. И. Ф. Анненского.

на рады были видеть в порту Южных Врат.

Его встречали – редчайший случай! – проклятиями и бранью, и беспокойство, вызванное прибытием злосчастного судна, никак не унималось, а, напротив, расползлось по всему порту, и даже городу – как расползается опасная зараза, завезенная из дальних, чужеземных краев.

Из шлюпа выбрались трое. Взгляды их были так же надменны и тяжелы как поступь. Блещающими драконьими крыльями билась от ветра плащи – алый, белый и золотой. Ладони лежали на рукоятках обоюдоострых топоров, висевших у пояса, и намеренно выставленных напоказ. Это можно было счесть ненужной заносчивостью, а можно – и необходимой предосторожностью, ибо страх, внушаемый повсеместно рыцарями Быка и Чаши, столько же укрощал толпу, сколько и будоражил.

Рыцарям плевали вслед, прокливаемые же рыцари равнодушно зашагали напрямик к трактиру «Лепесток Ветра». Впереди шел мечник в алом плаще. Рослый, светловолосый, он отличался спокойной решимостью движений, свойственной людям, с детства привыкшим противостоять опасности и собственному страху. Два шрама перечеркивали, почти сводили на нет красоту юного лица. Человек несведущий счел бы его предводителем этого маленького отряда, но человек сведущий объяснил бы, что первый удар в битве обычно принимали на себя рыцари низшего ранга – самые молодые и самые никчемные, и это было вполне разумно. Без-

удержная отвага молодых если не сокрушала, то устрашала врага, а у никчемных появлялась возможность переиграть судьбу, или хоть погибнуть с честью.

Остановившись у трактира, Алый прислушался – из распахнутого окна, увитого настурциями, доносился глубокий, временами срывающийся в бас голос, напевавший то ли молитву неведомому богу, то ли заклинание:

Тэрэхойно

Гэрэйхойно

Хоригаран

Харагалуун

Холуурябаа

Хоригаран

*Хонгорхалтаргалуунууд...*³

Алый мягко, по-кошачьи отступил назад, оглянулся на своих спутников.

– Это точно он, – сказал негромко Белый.

– Но что он...?

Белый лишь пожал плечами.

– Я войду, осмотрюсь?

– Нет. Войдем вместе, – поправив очки, сказал Золотой, – мала вероятность, что мы совладаем с ним и втроем. А уж по одному он передавит нас, как кутят.

Алый мельком улыбнулся, взглянул на небо, ясное,

³ Бурятская народная скороговорка.

нестерпимо-синее – станет ли этот день его последним? – и, нагнув голову, вошел в трактир.

Там царила приятная прохлада, пахло свежими опилками, полынью и влажным деревом, но после яркого утреннего солнца полумрак на мгновение показался почти непроглядной тьмой.

Просторный, со сводчатыми каменными потолками, зал напомнил ему полуподземные храмы Ордена. Столы из старых дверей, поставленных на бревна, были выскоблены до блеска. По стенам висели диковины, привезенные со всего света. Алый презрительно скривил губы. Весь смысл жизни здешних людишек, по-видимому, заключался как раз в том, чтобы прийти в такое место, и – медленно и вечно – сидеть, пить и разговаривать.

Два мальчика-подростка, разбрасывавших опилки по полу, завидев рыцарей, подхватили корзины и юркнули в боковую дверь, а он – он, то насвистывая, то напевая странную свою песню, неспешно протирал оловянные кружки за стойкой. На вошедших едва взглянул.

Белый знал его по прежним временам, и Золотому доводилось с ним встречаться, Алый же видел его впервые.

Он был похож на скалу, о которую бессильно разбиваются морские волны, время и смерть, но больше, чем могучая сталь, поражало несокрушимое спокойствие, которым дышал весь его облик. Короткий кожаный жилет, какие носят на востоке, не скрывал ни шрамов, ни татуировок. В лице

угадывалось что-то звериное – тяжелая челюсть, лоб крутой, словно утес, короткая, прямая переносица, широкие ноздри, миндалевидные глаза, большие, черные, с золотистым проблиском – при этом оно отличалось поразительной гармонией черт. Чуждой, непривычной, но абсолютной.

Теперь Алый легко мог поверить гуляющим среди солдат байкам о его невиданной мощи, воинской доблести, бесстрашии и силе духа. Такого человека он охотно принял бы как товарища. Беда в том, что человеком-то он и не был.

Непростительно и дальше медлить, вот так разглядывая его, смутившись, подумал Алый, и, следуя протоколу, спросил:

– Ты – Астерий? Тот, кого называют Рожденным от гнева богов в лабиринтах ужаса?

– Те, кто так меня называют, долго не живут, – ответил тауран. Голос его звучал мягко и насмешливо, будто слова эти были всего лишь шуткой. Но Алый, хоть и понаслышке, хорошо знал цену его словам. Он шагнул вперед, обнажив меч на четыре пальца.

– Бог, которого ты покинул, призывает тебя, Астерий. Если не пойдешь добром, нам придется...

Астерий хмыкнул, поставил кружку, взял следующую, и, перегнувшись через стойку, с нескрываемым удовольствием окинул взглядом меч.

– О, ульфберт? Хорош! Только вот беда, теленок – чтобы вынуть его из ножен, тебе придется лечь на пол, – и, усмех-

нувшись, указал вверх большим пальцем. Алый не посмотрел, но от досады его бросило в краску. Какое, право, ребячество – хвататься за меч! Хоть обеденный зал трактира был довольно большим, но с полуторным боевым мечом здесь и в самом деле не развернуться.

– И мух не разогнать, – словно услышав его мысли, кивнул Астерий. – Берись за лабрис, мой тебе совет, а не желаешь по-глупому его бесчестить – так за дубинку.

Хороший совет отчего бы и не принять? Заалевшийся Алый выхватил из-за пояса короткую турецкую дубинку, сделал обманное движение вниз и вбок, и ринулся на Астерия.

Предугадав его маневр, тауран швырнул кружку, и угодил Алому точнехонько в лоб. Рыцарь рухнул навзничь с таким грохотом, будто об пол разбили окованный сундук. Взметнулись опилки, затанцевала в солнечных лучах золотая пыль.

Тотчас же, с удивительной для такого массивного существа легкостью, Астерий перемахнул через стойку, Белого ушиб кулаком по темени, а Золотому вывернул руку, и врезал его же дубинкой по уху

Оглядел поверженных рыцарей. Покачал головой. Сдернул с плеча тряпицу, вытер руки. Зычно выкрикнул:

– Эдмон! Фернан! Выползайте, крысята! Говорил вам повременить с уборкой, так нет! Теперь, уж будьте любезны, начинайте заново.

– Быстро вы в этот раз, мэтр Стильер, – с нагловатым

смешком заявил один из подростков, высовываясь из-за двери, – в цирке за такое кургузое представление и гроша бы не заплатили, а то и закидали бы еще каким гнильем.

– Поговори, паршивец, так я тебе устрою представление, – проворчал тауран, но мальчишка, ничуть не испугавшись, снова захихикал в кулак.

* * *

Колеса тележки грохотали по булыжникам мостовой, и он подумал, что на левом надо бы сменить обод. От запаха цветов и рыбы, пропитавшего каждый камень этого города, воздух больше походил на знаменитый здешний суп – горячее густое душистое варево из всего, что можно поймать в море и вырастить на земле – и при каждом вдохе обжигал гортань.

– Вы забыли лопату, дорогой мэтр Стильер! – весело окликнул его Барнаба, булочник, стоявший на другой стороне улицы. – Негоже бросать падаль просто так, пусть и за воротами.

Тауран остановился. Тряпицей, которую по глупой привычке вечно забрасывал на плечо, вытер лоб и бритый затылок, обмахнул мух с трех тел, вповалку лежавших на тележке. Укоризненно сказал:

– Вы удивляете меня, мэтр Барнаба. Эти господа живы, хоть и... не вполне здоровы.

– Падаль. Как есть падаль, и без разницы, живы они или

нет, – с той же веселостью отозвался Барнаба. – Не стоило бы вам проявлять доброту к подобным отбросам. В другой раз непременно захватите лопату!

– А вам бы стоило почитать что-нибудь душеспасительное, или хоть к шлюхам заглянуть, дабы умягчиться сердцем. Ваша воинственность, знаете ли, наводит страх.

Булочник, толстощекий, начинающий лысеть коротышка средних лет, польщенно улыбнулся. Поклонившись ему со всей учтивостью, тауран подхватил тележку, и, то насвистывая, то напевая, продолжил свой путь к городским воротам.

Невольно вспомнил он слова той, о которой никогда не забывал.

– ...я видела волны далеких морей и пески пустыни. Дворцы из яшмы и порфира, и хижины – ты не поверишь! – из навоза. Я видела людей с кожей черной, как ночь, и бледной, как лунный свет. Обычаи их разнятся, как и облик, и, кажется, не найти двух похожих, ведь даже рожденные близнецами отличаются и привычками, и нравом. Есть лишь одно, что является общим для всех.

– Что же это? – спросил он.

– Жажда крови. Черные ли, белые или желтолицые, они не умеют жить в мире. Как думаешь, почему люди веками убивают друг друга – из ненависти, или ради любви – ине могут обойтись без войн?

– Я не знаю. Я не человек, – так он тогда ей ответил.

Милашка, торговавшая вразнос зеленью и фруктами, по-

махала ему, и улыбнулась так сладко, будто вез он не троих избитых им мужчин, а ворох роз.

– Ты моя прелесть, – он криво усмехнулся в ответ и бросил ей монетку.

* * *

Все в жизни ложь, а истина – лишь смерть. Стало быть, выбор прост: не между жизнью и смертью, а между правдой и ложью. Да и есть ли он, этот выбор? Смерть настигает всех, и все дороги жизни ведут к ней. И захочешь – не заблудишься. Но стоит уснуть, и демоны, живущие в глубине сердца, в темных лабиринтах разума, пробуждаются, принуждая душу томиться и тщетно метаться под гнетом тайных страхов и желаний, и почти бесполезны попытки обуздать их силой воли. Сон ли, смерть, рано или поздно они возьмут верх и над самой сильной волей.

Ему снился свет, пробивающийся сквозь густую, сочную листву, и леди Исола – она ласкалась к нему без всякого стыда. Тонкие руки обхватывали его шею, тяжелая, упругая грудь прижималась к его груди, мягкие белые волосы падали на его лицо, а губы, прохладные, нежные, влажные, почти касались уже его губ.

Истина в том, что враг всегда нападает во сне. Женщина – это долгая темная ночь, смущающая разум. Любовь ее подобна плющу с прелестными желтыми цветами, и, как ядо-

витый плющ, способный погубить и задушить могучий дуб, лишь ослабляет волю и отравляет сердце воина. Поддавшись заблуждению, ослепленный облаком желания, воин сбивается с пути, заблудившись в тумане, потерявшись во тьме.

«Прочь. Наваждение. Прочь, – думал он, и, яростно сопротивляясь своей слабости, повторял, сплетая слова в спасительную путеводную нить: – Чаша как символ горестей и знаний. Бык как символ жертвы, которую не может принести другой. Только собственной смертью можно искупить свои грехи. Смерть не важна, но лишь решимость умереть избавляет от страха смерти, наполняя чашу жизни свободной радостью. Бык как символ солнца и луны, земли и огня, грома, смерти, молчания. Терпения и спокойствия. Отваги, ярости, дикости. Чистоты. Чаша как символ духовного братства...»

Он почти победил ее, свою слабость. Он почти видел перед собой изваяние белого сияющего мрамора— огромного быка, попиравшего передним копытом распростертое тело юноши. Он не был так уж уверен, кому поклоняются братья, прошедшие седьмую ступень посвящения – зверю или жертве. Сам он обратился с мольбой к круторогому богу, и почти услышал во тьме мягкий, исполненный силы голос его Гнева.

– Ну-ну, – произнес голос. – Не стоит этого делать, мальчик. Я, знаешь ли, не аптекарь. И у меня только одно успокоительное средство. Не надо, не открывай глаза.

Он собрал все свои силы, всю волю, и открыл глаза.

Солнце почти уже закатилось обратно в море. Он лежал

на холме, обглоданном мистралем, в пожухшей, опаленной солнцем траве. Кто-то снял с него лорику и накрыл Алого его же плащом. О других такой заботы не проявили.

Выпавшая роса серебристо поблескивала на пластинах доспеха и наручах Белого – не иначе, к рассвету у него разыграется ревматизм. Золотой же снова лишился своих драгоценных очков. Кровь на левом виске запеклась, и рана выглядела страшнее, чем было на самом деле. Все их оружие и вещевые мешки были свалены кучей у семи камней, могильных камней, на каждом из которых было выбито изображение быка, напоминавшее больше, говоря по правде, сидящую рогатую собаку.

Алый рассмеялся, и охнул – казалось, лобная кость треснула, и края разлома со скрипом трутся друг о друга, причиняя чудовищную боль. Он встал, и пошел взглянуть на своих товарищей, хотя и был уверен, что тауран, не пощадивший их гордости, пощадил их жизни.

Белый, брат Эрик, могучий северянин, просто спал, подложив ладонь под щеку, и мирно посапывая. Золотой же, ибериец, брат Хорхе, перехватил его запястье до того, как Алый успел к нему прикоснуться, и, прищурив близорукие глаза, спросил с несвойственной ему обычно грубостью:

– Опять эта скотина поимела нас, э?

После чего от души лягнул Белого в поясницу. Тот сел, встряхнулся, как пес спросонья, и сказал, посмеиваясь:

– Давненько же из меня не вышибали дух одним ударом!

Вот потеха!

– Ленивый ублюдок, – прошипел брат Хорхе, – надеюсь, ты уснул не во время боя?

Северянин осклабился.

– Какого еще боя? Ты хотел сказать – избиения младенцев?

Чтобы старшие не передрались с досады между собой, Алый торопливо спросил:

– И что теперь будем делать?

Золотой потянулся к переносице, чтобы поправить несуществующие очки, отдернул руку, выругался.

– У дальнего мыса, за портом, нас будет ждать лодка. Возвращаться в город было бы... неразумно.

Алый кивнул. Полгода назад другой гастат в алом плаще не снес насмешек горожан и зарубил какого-то зеленщика. Городские власти пригрозили, что закроют порт для кораблей Ордена, если подобное повторится.

– Все же, – решительно сказал он, – я хотел бы вернуться и поговорить с ним.

– Поговорить с ним? О чем? – удивился Белый.

– Почему избрал он такую никчемную жизнь? Что держит его в этом паршивом, провонявшем рыбой городишке? Как смеет он пренебрегать своим долгом?

– Кому это интересно? – изумленно вздернул брови Золотой. – Он должен возвратиться в Орден, вот и все.

– Но ведь мы не можем вернуть его – силой. Прошло де-

вать лет с тех пор, как он...

– Двенадцать, – поправил его Белый. – Ну... раз так, может, и стоит... спросить у него. Поднимайся, Хорхе, старый крот, да держись за меня, пока не слезем с распроклятого холма...

– Лучше я пойду один, – сказал Алый.

– Умно. Солдат ребенка не обидит, – помедлив, сказал Белый, и в этот раз они с Золотым загоготали на пару.

– Об этом я и говорю, – без тени смущения отозвался Алый, – он меня не знает, да и, в любом случае, не опустится до поединка с кем-то в алом плаще.

– В алом ты туда не пойдешь, – отрезал Золотой, и потянулся к вещевому мешку.

Алый кивнул – гусей дразнить не стоило. Он вытряхнул содержимое своего мешка на землю, и развернул килт, который всегда возил с собой, пробормотав:

– Вот уж не думал, что пригодится...

– Ну, дела-а-а, – протянул Белый, а Золотой, лучше знакомый с обычаями других народов, встал, пошатываясь будто с похмелья, и помог Алому переодеться.

Покончив с этим, Алый сунул за пояс дубинку, пристегнул кинжал и спорран. Тронул рукоять лабриса.

– Не дури, – сказал Золотой.

– Разве что прицепишь его под юбку, – хохотнул Белый.

– Что ж, – сказал Алый, – я найму лодку в порту, когда...

– Мы подождем тебя здесь. До полудня, – сказал Золотой.

– Но не лучше ли вам вернуться на корабль?

– Подождем, – сказал Белый, и, охлопав один из камней как коня или собаку, добавил: – Здесь, в хорошей компании. Если не вернешься, пойдем за тобой, и эта скотина точно нас угробит, так что...

– Будь благоразумен, – закончил Золотой.

Они обнялись, и Алый, более не мешкая, спустился с холма, и направился к городским воротам.

– Толковый мальчишка. Далеко пойдет, – задумчиво глядя ему вслед, сказал Белый. – Это же надо додуматься – поговорить с ним!

– Было бы куда идти, – отозвался Золотой. – Орден в упадке, и если Астерий не вернется...

– Да пошел он! – сказал Белый, осторожно ощупывая шишку на темени. – Нет, какая же все-таки скотина!..

2

Миновав городские ворота, Алый замедлил шаг – по смешной и несколько унижительной причине. Он понятия не имел, как оказался на проклятом холме, в какой стороне находится проклятый порт, и где искать проклятый трактир.

Город, который знал он хуже, чем скверно, напоминал лабиринт, хоть и незатейливый: хаотично расположенные улочки, широкие и узкие, стекались к площадям разновысокими ступенями-лесенками, и, несмотря на то что уже по-

что стемнело, город заполняла пестрая толпа. Сновали торговцы. Шествовали с постным видом пилигримы – прибывшие с востока и отбывающие на восток. Распутные, кичливые храмовники, сопровождаемые невольниками-сарацинами, вызывали у горожан почти столько же приязни, сколько рыцари Быка и Чаши. Какие-то оборванцы, обнявшись, орали похабную песню, как пьяные матросы (возможно, это и были пьяные матросы), а он – он пробирался сквозь толпу с необыкновенной легкостью, и не только потому, что не вздел доспеха и не взял оружия.

До него никому не было дела. Никто не смотрел на него с ненавистью и не отводил со страхом глаз. Никто не плевал ему вслед. Его даже толкнули! Он и припомнить бы не смог, когда в последний раз его вот так же задевали плечом, выругавшись или извинившись мимоходом – и только.

Он почувствовал бы себя призраком – невидимым, свободным – если бы не зверский голод. Подозвав милашку, торгующую вразнос зеленью и фруктами, он купил пучок водяного салата и еще аженских слив, тех самых, что причинили столько бед во время последнего похода (на ветках они казались совсем спелыми). Милашка глядела на него без всякого испуга, кокетливо прикусив пухленькую нижнюю губу, и он вспомнил, как братья болтали, что цветочницы и зеленщицы оказывают услуги и иного рода. Но это нельзя было даже назвать соблазном. Он бросил ей монетку и легким шагом направился дальше, вгрызаясь в сливу (на этот раз дей-

ствительно спелую), и радостно глаза по сторонам, словно сбежавший с уроков школяр.

Дорогу он не спрашивал – сперва не желал привлекать к себе внимание, а после и нужда отпала. Сквозь арку одного из домов он вдруг увидел море, мачты кораблей, прибрежную крепость, и понял, что отыскать порт большого труда не составит.

Спустившись, а вернее, протиснувшись по улочке шириной едва в три локтя, он вышел к порту, и, поплутав недолго среди складов, остановился у «Лепестка ветра», прислушиваясь, по вьезшейся до костей солдатской привычке.

На этот раз никакого странного пения он не услышал. Из трактира доносился равномерный глуховатый гул – словно шум волн из большой морской раковины, поднесенной к уху.

Ну, как же. Сидят, пьют и разговаривают. Они делали это веками, – с усмешкой подумал Алый и толкнул тяжелую дверь.

Запах жареной рыбы, чеснока и кислого вина почти свалил его с ног. Жара стояла, как в аду, на столах горели воткнутые в бутылки свечи, на стенах коптели лампы. Трактир был битком набит, но он легко отыскал взглядом Астерия – тот возвышался над толпой словно сторожевая башня. Тауран как раз шел по залу, с немалой ловкостью удерживая на руке три тарелки. Обернувшись на звон дверного колокольчика, окинул Алого быстрым взглядом, и улыбнулся. Зубы у него были белые, крепкие, будто у хищного зверя, а улыбка

– такого рода, что рыцарю страстно захотелось увидеть зубы эти рассыпанными по полу.

Астерий кивнул на дальний угол зала, и, повинувшись его знаку, Алый прошел к большому, хорошо сбитому бочонку, заменяющему, как видно стол. Не успел он еще опуститься на лавку, а к нему устремились, словно две молодые акулы, те мальчишки, которых он видел утром, и уставили бочонок самой разнообразной снедью.

Были там и аральские колбасы, и осьминоги, запеченные с овощами, и овечий сыр, вонявший как несчастье, и местное вино – желтое как топаз, нежное как поцелуй и сбивающее с ног, как хороший удар с правой.

Алый поднял кружку, приветствуя таурана. Он не прочь был перекусить. В конце концов, сливы – это всего лишь сливы.

А еще отсрочка эта давала ему возможность увидеть своими глазами причину, по которой тот, кого называли гневом бога, грозой неверных и мечом праведных, предается без всякого стыда столь низкому занятию.

Так он думал – и обманулся. Женщины льнули к Астерию, заводили игривые разговоры, и он отвечал им охотно, с той же несносной улыбкой, одновременно призывной и вызывающей, которой встретил и Алого. Но ни одну из них, этих женщин, не выделял он особо.

Но кто, кроме женщины, мог сотворить с ним такое? Сломить воинский дух? Заставить изменить долгу? Какие еще

путы могли привязать его к этому жалкому городу?

С нарастающим раздражением наблюдал он за Астерием. Витязь прославленный и славный – подумать только! – подавал закуски всякому сброду. Однако больше всего раздражало восхищение, которое невольно вызывал у него этот отступник. Астерий двигался плавно, как тигр и неспешно, как бык. Лаконичность и выверенность каждого жеста пленяла взгляд. Он был прирожденным воином, и Алого так и подмывало вскочить, ударить кулаком по столу, и заорать – тебе здесь не место!

Звякнул колокольчик. В трактир скользнул щуплый азиат, хищный как хорек, и неприметный как тень. Однако незамеченным он не остался, хотя бы потому, что на плече у него сидел птенец гаруды – маленький, тщедушный – но и такой стоил целого состояния. Да что там, был бесценен.

Лицо Астерия загорелось детским восторгом, он окликнул вошедшего и поспешил за стойку. Приветливо заговорил с Птицей. Та ответила высоким, чистым, завораживающе-нечеловеческим голосом. Глядя, как беседует большое чудище с малым, бедный рыцарь махнул кружку мальгского вина и растерянно подумал – да что же это за город такой?

Глазау него слипались. На выпивку он был крепок, но обильный ужин доконал его. И этот беспрерывный, убаюкивающий гомон – Алый едва успел пристроить голову на сгибе руки, как уснул беспечным сном набегавшегося ребенка.

Снилось ему, что он единорог – белый, свирепый, неукро-

тимый, но плененный голосом чарующим и нежным – выходит из чащи леса, и видит сидящую на шелковых подушках деву. Светлые волосы ее струятся по ветру, красота язвит как меч, оставляя незаживающие раны. Несомненно, это леди Исола. Она напевает на душещипательный французский мотивчик:

Тэрэхойно

Гэрэйхойно

Хоригаран

Харагалуун

Холуурябаа

Хоригаран

Хонгорхалтаргалуунууд...

Не в силах противостоять магии слов или прелести девы, он склоняется перед леди Исолой, опускает голову ей на колени. Сердце его трепещет от счастья и замирает от восторга, хотя колени у девы жесткие, неудобные, и острый край мучительно врезается ему в щеку.

* * *

Разбудил его не звук, а взгляд. Алый резко встал и прынул назад, схватившись за кинжал. Перед ним стоял Астерий.

– Будь мы товарищами, я бы, клянусь, не удержался и окатил тебя ведром воды, – сказал он с бесстыдной своей ух-

мылкой.

– А я был бы и не прочь, – проворчал Алый. Голова его трещала – то ли от выпитого прошлым вечером вина, то ли от удара, полученного прошлым утром. – Вижу, ты нашел хитроумный способ прикончить меня, не марая рук, – добавил он, кивнув на корзину, которую Астерий держал в руке.

Из корзины свешивались перья зеленого лука, а внутри, если судить по запаху, были свежие булки и колбаса. Без гнусного местного сыра тоже не обошлось.

Тауран расхохотался, закинув голову. Рыцарей Быка и Чаши едва ли можно было назвать аскетами, но и привычки к обжорству, как какие-нибудь храмовники, они не имели. Той снеди, что Алый умял за ужином в ином случае хватило бы ему дня на три.

– Скоро рассвет, – сказал тауран, отсмеявшись. – Позавтракаем у моря. Нет печальнее места, чем пустой заблеваный трактир поутру. Даже отчаянные пьяницы норовят уползти отсюда.

Алый пожал плечами. Ему было все равно.

* * *

Они спустились к одной из узких скалистых бухт, которыми было изрезано побережье. Устроились на камне, опасно нависавшим над морем. Астерий запустил ручищу в бездонную свою корзину, Алый же с трудом удерживался от

того, чтобы раздеться донага и броситься в волны. То же чувство, что позволило ему безрассудно уснуть в трактире, вновь овладело им: будто он призрак, или все, что происходит с ним – сон. Будто он растворяется в несмелых еще солнечных лучах и прохладном ветре. Будто исчезает, как морская пена, без следа.

Астерий протянул ему два куска булки, между которыми были зажаты сыр, зелень и колбаса. Какое-то время они молча жевали. Алый, все еще пребывая в состоянии исчезающей морской пены, почти забыл, зачем вернулся в город.

– А ты похож на него, – проглотив последний кусок и облизав пальцы, сказал Астерий.

Рыцарь кивнул.

– Болтают, что я его ублюдок. Но точно никто не знает.

– Отваги и ума ему было не занимать. Но и скотиной он был первостатейной.

– Хочешь разозлить меня – старайся лучше.

– О, хладнокровие! – Астерий искоса взглянул на рыцаря, и черные глаза его насмешливо блеснули. – Говорили, что и он – не вполне человек. Говорили, его предки – полузмеи-полулюди, которые изобрели квадригу. Потому что у них не было ног.

– Не знаю, что там насчет ног, но, если судить по Гроссмейстеру, страха и совести у них, определенно, не было.

– Может и так. Но рассудительности и дальновидности тебе бы стоило у него поучиться.

Эти слова задели Алого. Втайне он считал себя пусть и не таким коварным, каким был сомнительный его родитель, но достаточно умным и умеющим рассчитать любую игру на несколько шагов вперед.

– Он был единственным, кто уцелел в поединке со мной, – продолжил Астерий. – А знаешь, почему?

– Расскажи мне, – с деланным равнодушием произнес рыцарь. Что-то такое он слышал. Неужели правда? О подвигах Гроссмейстера ходило столько слухов и небылиц, но неужели он мог справиться с таким чудищем в одиночку?

– Перед тем, как спуститься за мной во тьму, он два года провел в Астурии и здесь, на юге, наблюдая за иберийскими играми с быком, используя каждый случай, чтобы принять в них участие. Он научился обманным движениям. Приемам, с помощью которых можно измотать быка и сбить с толку. Потому-то я и не смог убить его сразу.

– Но и он не смог убить тебя, – презрительно обронил Алый.

– Он и не собирался, – удивился тауран. – Он вывел меня из тьмы и защищал, пока глаза мои не привыкли к свету. Он обучил меня всему, от грамоты до воинского искусства, и я ему благодарен, хоть он сделал это из корысти. В то время Гроссмейстер был молод, и, полагаю, желал любой ценой укрепить свою власть в Ордене.

– Раз уж ты так ему благодарен, – окрысился Алый, – то почему сбежал, поджав хвост? Почему оставил его, Бога и

Орден?

Астерий покотился со смеху.

– Поджав... хвост? Хвост?! А в которой же из ваших книг сказано, что всю грязную работу должен делать за вас кто-то, у кого от ярости вырастает хвост? А ваш Бог... Послушай, если ты и вправду сын Гроссмейстера, то матушка твоя, надо думать, была на диво простодушной.

У Алого скулы окаменели, но тауран вдруг приложил руку груди и поклонился:

– Прости. Я и не думал оскорблять ее. Я хотел задеть тебя. Почему ты так легковверен? Если бы Орден поклонялся коню – Гроссмейстер привел бы кентавра. Если бы волку – раздобыл ликантропа. А если бы соколу... ну, я не знаю.... Обольстил стаю безумных эриний? Я имею столько же отношения к вашему богу, сколько молодой месяц, который вы почитаете, как одно из его воплощений.

Алый молчал, нахмурившись. Слушал, как мерно, спокойно бьются о камень волны. Он и сам бы не смог сказать, отчего так взъярился. Он знать не знал своей матери. Даже представить не мог, какой она была. Никогда о ней не думал. Он считался сыном одного шотландского тана, хотя и было странно, что тан пообещал своего старшего Ордену. Но тан никогда не обижал его и относился с той же заботой, что и к другим своим детям. А когда за ним явились из Ордена (Гроссмейстер приехал лично), тан сказал, что он может вернуться, если захочет. Его примут в этом доме когда угодно

и каким угодно. И братьев заставил дать клятву. Да братьев ли?

Едва взглянув на Гроссмейстера, Алый все понял. Это было так, словно ему поднесли вдруг волшебное зеркало, и он увидел, каким когда-нибудь станет.

Тан был сероглазый, бородатый, с длинными, рано поседевшими, но прежде, кажется, мышиной масти, волосами. Умный. Слишком добрый. Отважный. Хороший человек, но... совсем обычный. А Гроссмейстер...

Алый еще долго мечтал увидеть в зеркале такой же, отличающий каленой синевой, взгляд. Тень улыбки, неистовой и беспощадной, таившейся в уголках бледных губ. Но потом это прошло. Астерий говорил правду. Гроссмейстер ничего не боялся. Ни во что не верил. Справедливость его можно было назвать геракловой – воздавать врагам ли, друзьям ли тем же, что они готовили ему. Жажда власти не ослепляла его, но ценил он, пожалуй, одну лишь власть.

Две толстые чайки, нахально мяукая, носились над ними, и Астерий, бросив вверх кусок колбасы, задумчиво смотрел, как бьются морские разбойницы, выдирая друг у друга добычу.

– Сам подумай, – сказал он, не отводя взгляда от птиц, – ваши жалкие попытки вернуть меня начались только после гибели Гроссмейстера. У него-то хватало ума не держать меня силой. Если Орден в упадке, то не потому, что я ушел, а потому, что его не стало.

Солнце поднялось выше, от него по морю загоралась алая полоса, бегущая до самого берега. Ветер усилился, погнал волны. Над камнем, где они сидели, повис тонкий, играющий радугой туман брызг. Астерий все забавлялся, как дитя, дразнил чаек, швыряя им кусок за куском. Над ним собралась уже целая свора. Их жадные, пронзительные вопли отчего-то нагоняли тоску.

Рыцарь вздохнул. Все, что он услышал, было крайне интересно, но никак не объясняло поступков самого Астерия и не отменяло намерений Алого вернуть его в Орден – так или иначе. Покосившись на таурана, он осторожно спросил:

– У тебя есть женщина?

Тот пожал плечами:

– Несколько. А что?

– Я слышал о ведьме... наложившей на тебя заклятие.

Астерий посмотрел на него, как на заигравшегося щенка – дружелюбно, однако и не без легкого пренебрежения. Сдернул с плеча тряпицу, знамя постыдного своего ремесла. Вытер руки.

– Ведьма? Ну не знаю. Она не могла убить взглядом, не исцеляла наложением рук. Она была... Врачевательницей... созерцающей диковины городов и чудеса странствий? Как-то так.

«Бродяжка. Шарлатанка. Как-то так, – подумал Алый. – Значит, и это правда».

– Ты так любишь свой трактир? – спросил он, указав на

руку Астерия. На тыльной стороне правой кисти у того был вытатуирован странный знак – три лепестка, заключенные в круг, а по предплечью висала арабская надпись. Насколько Алый мог понять, что-то о лепестках ветра.

– Кто знает, сколько у ветра лепестков? – пробормотал тауран, разглядывая татуировку с тихой улыбкой, отчего-то разозлившей рыцаря. – Кто знает, сколько оставивших души свои мертвыми на поле боя, беззаботно шатаются по свету? Сколько погибших от любви живут, радуясь каждому дню?

– Кому какое дело? – досадливо поморщился Алый. – Я хочу знать только об одном – о лепестке, оставившем след в твоей... – он вдруг осекся, и закончил вовсе не так, как собирался, – в твоей жизни.

Да. Так лучше. В жизни – не в душе. Душа воина остается бессмертной и несокрушимой, ее не запятнать недостойному чувству. И не столько тогда открывается мужественная и твердая душа, когда кто-либо без падений пробегает путь, сколько тогда, когда кто-либо, после бесчисленных венцов, многих трофеев и побед, претерпевая крайний урон, опять может вступить на прежние пути.

Тот же, кто и в мыслях не имел вступать на прежние пути, все всматривался в знаки и символы, покрывавшие его руку, словно пустоголовая девица, тщетно пытающаяся угадать за своим отражением в зыбкой, темной воде черты суженого, и с неожиданной легкостью согласился:

– Что ж, хорошо. Я расскажу. Слышал ли ты о битве при

Эль Икаб?

– Я ее помню.

– Как ты можешь помнить ее? – Астерий все же поднял взгляд на Алого, и взгляд этот был полон искреннего изумления. – Тебе было тогда сколько? Лет пять?

– Мне было семь, и Гроссмейстер всегда сажал меня в седло перед собой, чтобы я учился не бояться смерти – ни своей, ни чужой. И понимать ход битвы.

– Какая все-таки скотина, – хмыкнул тауран, но Альый пропустил это мимо ушей. Он пытался как следует припомнить тот день и ту битву – первую для него битву.

Аль-Насир выставил в авангарде лучников, и тяжелая конница союзных войск вынуждена была отступить. Ряды смешались, боевые кони топтали своих же пехотинцев. Тогда выступил Орден.

– Я помню, как первая линия – алые – была истреблена почти полностью, – наконец, заговорил рыцарь, – линия золотых, а с ними и наваррцы, из последних сил теснили левый фланг альмохадов. Я помню, как Гроссмейстер улыбнулся мне. Он сказал:

– Мужайся. Возможно, этот день – наш последний.

Слова его потонули в страшном грохоте и реве – это белые ударяли в щиты, и выкрикивали раз за разом «Гнев Бога! Гнев Бога!».

– Не приложивши рук, богов не призывай, – Астерий склонил голову, – я был в третьей линии, с белыми. Когда

мои братья призвали меня, я обратился. И сделал то, что умею лучше всего...

– В одиночку попер на многотысячную армию врага? – Алого вдруг разобрал смех. – Я об этом немало слышал.

Тауран тоже рассмеялся, кивнул.

– А если честно – сколько народу ты можешь положить? Один? – с любопытством спросил Алый.

Астерий снова улыбнулся. На этот раз невесело.

– Сто двадцать восемь человек – совершенно точно. Был повод однажды посчитать. Но дело-то не в этом. Дело в страхе. Страх – мое войско, гаснат. Только представь, что на тебя несется, размахивая топорами, закованная в броню тварь с бычьей головой – огромная, почти неуязвимая, неукротимая в своей ярости тварь. Я могу вырвать глотку боевому коню и смять доспех рыцаря, как бумажный лист. Я могу сбить человека с ног и затоптать насмерть. И – да, с топорами я управляюсь совсем недурно, даже в облике полубыка. Уж не говоря о том, что у меня есть еще и рога.

– И гроза, – тихо сказал Алый.

– Да. И гроза.

– Я помню грозу. Помню, как тьма пожирала небо – а ведь был июль, середина лета, и день выдался ясным. Но вдруг нахлынул грозный, тяжелый морок, и поле боя погрузилось в кромешную тьму. От ударов грома сотрясалась земля, будто за Орденом шла в атаку сотня черных быков. Тьму раздирали вспышки молний, но от этого становилось только страшнее.

Странно, что я не помню тебя. Как я мог проглядеть тебя, Астерий? – почти обиженно спросил Алый.

– Благодарю своих богов, – сказал тауран, – может, поэтому ты и не вырос зайкой.

Алый расхохотался. Он и припомнить не мог, когда еще столько смеялся. Пока был жив Гроссмейстер? Человек холодный и жестокий, тот, как ни странно, обладал насмешливым нравом, и, хоть от шуток его многих брала оторопь, Алого они всегда смешили. Даже когда мишенью становился он сам.

«Как вспышки молний, – подумал он вдруг, – эти шутки выжигали из сердца малейшую тень страха, последнюю каплю лжи, оставляя лишь правду».

Он взглянул на Астерия. Тауран сидел, подобрал ноги на бедуинский манер, упираясь локтями в колени, и неотрывно смотрел на море. Ничем он не напоминал Гроссмейстера – ни видом, ни голосом, ни нравом. Но, кем бы ни был Астерий, зверем ли, человеком, он, как и Гроссмейстер, не боялся того, что страшило и приводило в замешательство многих других – правды.

Астерий медленно обернулся. Тяжелые полуопущенные веки придавали ему сонный вид.

– В тот день Орден сильно потрепали, и никто не прикрывал мне спину, – продолжил он. – Я же, ведомый лишь яростью, никогда не заботился о такой безделице, как собственная жизнь. Я прорвался через строй мусульман до самого

их лагеря, и там схлестнулся с черной гвардией халифа. Им пришлось несладко. Кони шарахались от меня в необоримом страхе, сбрасывали и топтали своих седоков. Совсем обезумев от запаха крови, я крушил и рвал все живое. Я слышал уже победный клич кастильцев – они первыми устремились в кровавую брешь, пробитую мной...

– Да, я помню, – кивнул Алый. – За ними Гроссмейстер повел ту горстку наших, что уцелела после первой атаки. А следом ринулся со своими рыцарями юный король Арагона.

– И вот тогда какой-то недоумок пустил наугад стрелу, которая и поразила меня. Сквозь швы лат, – Астерий покачал головой, и рассмеялся. – Сквозь швы лат! Ифрикиец, которого я как раз стащил с коня и собирался выпотрошить, как белку, ударил меня палашом с такой силой, что прорубил доспех на груди. Я успел убить его. Дальше плохо помню. Кажется, пошел дождь. Я хотел перевернуться на спину, чтобы не захлебнуться в грязи. Наверное, мне это удалось – я помню треск. Стрела переломилась и прошла глубже. Я думал, что покинул тьму навсегда, но ворота ада так и стояли настежь, дожидаясь, когда же я вернусь. В тот день тьма снова настигла меня – и я умер.

В глазах Астерия плескалась тьма, и Алый, внезапно оробев, притих, не смея и слова вымолвить. Тауран же, будто в полузабытьи, заговорил снова:

– Потом я услышал голос. Слов я не узнавал, и решил, что это – язык мертвых из обители тьмы:

*Тэрэхойно
Гэрэйхойно
Хоригаран
Харагалуун
Холуурябаа
Хоригаран
Хонгорхалтаргалуунууд...*

Голос вел меня, но я не знал – куда. Дальше, во тьму? Или обратно, к свету? Я пошел за ним, и оказался в лодке. Лодка мягко покачивалась на волнах, и я подумал, что голос ведет меня через лабиринты тьмы к самому сердцу ада, откуда мало кому удавалось вернуться. Я открыл глаза, и удивился, что в аду такое синее небо. Хухэ МунхэТэнгэри.

– Что? – невольно переспросил Алый.

– Высокое синее небо, – пояснил тауран. Взгляд его стал прежним – насмешливым, с проблескивавшей золотистой искрой. Тьма почти исчезла. – Мне было хорошо и спокойно, как никогда в жизни. Легко – будто плыл не в лодке, а над лодкой. Мне понравилось быть мертвым. Потом я увидел ее. Она была совсем близко, но почему-то казалось, что я смотрю на нее со дна колодца. Она склонилась ко мне и спросила:

– Ты слышишь меня? Понимаешь?

На ней были длинные серебряные серьги. При каждом движении они покачивались и звенели. Это было очень красиво. Я захотел потрогать их, но не смог поднять руки.

– У тебя... чудесные серьги, – сказал я. – Ты – ведьма? Это ты заклинала мою смерть?

3

Она по-кошачьи склонила голову к плечу, и серьги ее снова негромко зазвенели.

– Вот любопытно, – сказала она, – что ты спросил об этом. Прежде я знала человека, который умел заклинять смерть, танцевать с ней, призывать души мертвых. Смерть увела его прежде, чем он успел передать мне свое искусство. Я могу отогнать смерть как муху, и только. Но смерть, как муха, упряма – всегда возвращается. Жаль. Да? – она состроила печальную гримаску, и стала еще больше похожа – не на кошку даже, а на маленького лукавого котенка.

– Но разве не ты пела ту песню? – спросил я. – Или мне приснилось? *Терен-херен, халум-галум...*

Как же она смеялась! Как плясали серьги под нежными мочками, как вспыхивали на серебре солнечные блики!

– Это всего лишь детская считалка. Про гусей, – наконец, проговорила она, – я научу тебя, если так уж понравилась. А теперь скажи-ка мне, олзо хубуун, ты перекидываешься по собственной воле или это тебе неподвластно?

Улыбка ее была все такой же веселой и лукавой, и голос звучал спокойно, будто она спросила, что я больше люблю – подогретое вино или холодный чай.

– Я делаю это, когда захочу. А еще – будучи во власти гнева, – ответил я, ожидая увидеть, как тень страха омрачит прекрасное лицо ее. – Ты что же, знаешь, кто я?

Кожа у нее была цвета меда, глаза черные, узкие, как лезвие квилона, а ресницы такие густые, что взгляд казался бархатным. Волосы – тоже черные – заплетены были в бесчисленные косицы, собранные узлом высоко на затылке. Одежда вроде той, что носят на самом дальнем востоке мальчишки: темно-синий бумажный халат с широкими рукавами и стоячим воротом. Никаких украшений – ни браслетов, ни ожерелий, только те серьги, да еще алла левантина в богато изукрашенных ножнах. Мне приходилось и прежде видеть шелковичных людей. Маленькие, будто фарфоровые игрушки, они отличались редкой силой духа, а в схватке были быстрее и опасней змеи. Но ни разу еще я не видел, чтобы кто-то из них забирался так далеко на запад, и нигде в целом мире

не встречал я таких необыкновенных, таких пленительных глаз.

– Вот как? Тогда постараюсь не сердить тебя, Гнев Бога, – сказала она. – Ведь так тебя называют? Но при рождении нарекли Астерием. Астерий – значит звездный. Да? Вот любопытно! Зачем бы давать ребенку звездное, сияющее имя, если собираешься заточить его в глухом подземелье?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.